

Олег БОЦДАРЕВ

ГРИФ И ГИЛЬДИЯ

МИР
ФЭНТЕЗИ

Олег Игоревич Бондарев

Гриф и Гильдия

<http://www.fenzin.org>

Гриф и Гильдия: Крылов; СПб.; 2006

ISBN 5-9717-0299-8

Аннотация

Какой Ловкач не хочет стать Мастером, получать выгодные задания и быть неприкосновенной в Гильдии персоной? Вот и молодой Ловкач Гриф – не исключение.

Именно поэтому он отправляется в Хейстримовы горы за статуэткой Локи – ценнейшим артефактом прошлого, наделяющим владельца безмерной удачей. Теряя и обретая друзей, Гриф очень скоро понимает, что он – всего лишь пешка в коварной игре Фетиша, главаря ловкаческой Гильдии.

А тут еще и легенда о чудесной статуэтке обретает новый, зловещий, окрас...

Содержание

Пролог	5
Часть первая	13
Глава 1. Грамота мэра, или Убийца на дому	13
Глава 2. Дроу, или Гостеприимство огнеглотского замка	74
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Олег БОНДАРЁВ

ГРИФ И ГИЛЬДИЯ

Спасибо Косте Кривцу за неоценимую помощь, Даниилу Туровскому за веру в себя, Михаилу Бабкину за подсказки, Алексею Дорошенко за уроки мудрости, и, конечно, Андрею Белянину за вдохновение.

А также всем остальным, имена которых надо выпускать отдельной книгой, чтобы не съели отведенное под роман место.

Ну вот, видите – даже вы не можете отличить воина от бандита, а что такое вор, как не бандит-одиночка, только более осмотрительный? Я украду две бараньи котлеты, да так, что никто и не проснется. Фермер поворчит малость и преспокойно поужинает тем, что у него осталось. А вы нагрянете с победными фанфарами, заберете всю овцу целиком да еще прибьете в придачу. У меня фанфар нет; я такой-сякой, я бродяга, прохвост и вздернуть-то меня мало. Что ж, согласен. Но спросите фермера, кого из нас он предпочтет, а кого с проклятием вспоминает в бессонные зимние ночи?

Р. Стивенсон. «Ночлег Франсуа Вийона»

Пролог

Хряснусь, ей-Один, хряснусь...

Ну почему один из лучших Ловкачей Тчара для встречи с возлюбленной должен карабкаться на ее высоченный балкон, рискуя свернуть себе шею?

Возможно, потому, что папа его возлюбленной мэр?

Со стороны я, наверное, смахивал на паука: весь в черном, к стене животом жмусь, да и вверх лезу так прытко, будто руки в чем-то липком измазал. Могу вас уверить: карабкаться по стенке не легче, чем гулять по тонкому канату над пропастью. Моя прыть объясняется только опытом: я этих стен перевидал...

Наконец, я нащупал кажущиеся недостижимыми перила и втянул уставшее тело наверх. Локи, как же болят бедные мышцы! Завалился бы спать прямо на балконе, если б не местный дворецкий: он не самый любезный и добрый в городе парень, а мне ужасно не хочется ни с кем драться. Мошенники вообще не любят драться, потому что это мешает им мошенничать!

Уже особо не таясь, я подошел к двери, ведущей в комнату, и постучал. Три раза. Как всегда.

Несколько мгновений ничего не происходило. Потом тихий голос осведомился:

– Гриф?

– Да, любимая, – шепнул я. Как любят говорить бывалые охотники, «прикормим зверушку»...

– Что тебе нужно? – Не в духе, зараза... – Я не ждала тебя сегодня!

– Но я ведь всегда...

Она не дала мне закончить:

– Что – «всегда»?! Убирайся прочь, мы уже все решили!

– Мы?! Ты сама все решила! – резонно возмутился я.

Нечего на меня зря наговаривать! Но Лин уже понесло.

Один, есть же на свете люди, которым только дай повод что-нибудь сказать – обложат с ног до головы. Моя девушка, к сожалению, относилась именно к таким сквернословам: за какие-то полминуты она успела десять раз обозвать меня дураком, пять раз – бараном, и раза по два – остальными известными ей ругательствами.

– Ты до конца высказалась, дорогая? – терпеливо выслушав все замечания, ласково спросил я.

– Да! – Она все еще злилась, но уже не так сильно, как в начале разговора.

– Может, пустишь теперь?

– Нет! – ругательства посыпались вновь. Зевнув, я подошел к перилам, перегнулся через них и, не глядя, плюнул вниз.

– Что это?! – бешено взревело внизу.

Я едва успел присесть, хоронясь за порослью молодого винограда. Дворецкий обвел стену подозрительным взглядом,

остановил было взор на балконе, но, не заметив ничего интересного, вновь повернулся к моему мерину, безразлично щиплющему травку:

– Кто ж тебя здесь бросил, а? Неужто Джесс опять перепился и забыл закрыть конюшню? А ну как я сейчас задам ему трепку!.. Джесс! Джесс!

Я скрипнул зубами: треклятый дворецкий зовет конюха, Лин скоро докричится до мэра, а мне приходится сидеть здесь и слушать их обоих, дожидаясь, когда меня обнаружат!

Прикинув в уме, что доказать невинность отцу Лин мне вряд ли удастся, я решил бежать.

И для начала – прыгнуть.

Лучший Ловкач может с легкостью спрыгнуть с высоты в пять человеческих ростов на спину верному скакуну и не повести даже бровью.

К сожалению, лучшим я, наверное, так и не стал...

Поэтому и приземлился на плечи дворецкому. Старик не смог устоять, а, может, просто не ожидал такого поворота событий. Как бы то ни было, мы оба упали: он – на землю, а я – на него.

– Гриф? – послышался взволнованный голос с балкона. – Ты цел?

– Да, Лин, золотце, – я тут же вскочил на ноги, отряхивая запылившуюся рубаху, – со мной все в порядке!

– Тогда убирайся прочь! – презрительно фыркнула Лин и удалилась к себе в покои, попутно хлопнув балконной две-

рю.

– Вот же стерва... – пробормотал я и, запрыгнув в седло, дал коню шпоры. – Ладно, поскакали! Но!

Мерин даже не тронулся с места. Извернувшись, он осуждающе посмотрел на меня, словно стараясь вогнать в краску.

– Да не переживай ты так! – я взлохматил ему гриву. – Все нормально! Не помрет!

Конь еще чуток поупрямился. Наконец, когда я от злости пообещал продать его на колбасу в ближайшую мясную лавку, он испуганно заржал и легко q рысью потрусил к воротам.

Спустя полчаса мы уже подъезжали к нашему скромному обиталищу – ветхому двухэтажному дому с наполовину разрушенной крышей, выгоревшей пару месяцев назад конюшней и настолько маленьким сараем, что в него не влез бы даже самый тощи q гном.

Находился этот дворец в «темных» кварталах Тчара. Богатенькие пай-мальчики, живущие на сбережения папаш-толстосумов, тут не протянули бы и дня, а если наутро все же проснулись живыми, то были бы уже бездомными бродягами, без жалкого медяка в кармане.

Тут хватало неудачников, не сумевших выполнить то или иное задание своей Гильдии. Благо, я жил здесь только потому, что мои Ловкачи про меня просто-напросто забыли!.. По другим причинам соседствовать с подобным сбродом я не видел и, думаю, никогда не увижу смысла.

Однако не стоит сгущать краски: порой и здесь, в «тем-

ных», я встречал весьма приличных людей, бывших аристократов и рыцарей, в многочисленных сражениях проигравших свои земли. Конечно, остротой ума они не блистали (вряд ли умный феодал сможет проиграть свой феодал!), но на безрыбье, как говорится, и рак – франт!

Когда же Ловкачи вспомнят, что у них в Гильдии есть паренек по имени Гриф, которому ой-ой-ой как нужны денежки? Три месяца я не видел ни Гильго-Кривоноса, ни Фреки-Висельника, ни Джимми-Ли. Куда вы пропали, ребята? Неужто вы не хотите помочь мне разобраться в моих... хм... финансовых проблемах?

Последние две недели дела у меня, откровенно говоря, не ладились: несколько раз приходилось подрабатывать мелкими поручениями по принципу «иди – возьми – отнеси – на монету – пошел вон», что совершенно возмутительно для мастера... ну, или почти мастера такой высокой категории, как я.

Единственной радостью были вечера у Лин, где мы любили завалиться на ее поистине королевское ложе и... ну, в общем, любили!

А теперь и она меня отправила на все четыре стороны. Я уже начинал сомневаться, не сглазил ли меня кто?

Погруженный в мысли, я не заметил, как мы оказались у дверей конюшни. Керж требовательно заржал: бедняга тоже намаялся за день. Я спрыгнул на землю и похлопал его по крупу, стараясь взбодрить, но он лишь отвернул наглую мор-

ду. Вот так-то – собственный конь меня отвергает! Впрочем, чего ему меня любить: кормлю – мало, езжу – много. Отдыха, опять же, никакого. Да и толку от той постоянной беготни – не больше. Мысленно махнув рукой (хватит себя накручивать), я взял мерина под уздцы и повел в стойло. Привязав его, я двинулся к выходу, уже предвкушая долгожданный отдых, однако у коня были на мой счет совсем другие планы.

– Ну, что тебе, Керж? Что случилось? – Проклятое животное ухватило меня зубами за воротник и выпускать, пока я его внимательно не выслушаю, явно не собиралось.

Мерин виновато кивнул на ясли: те были пусты. Я укоризненно посмотрел на коня:

– Ты чего, все сожрал? Я ж тебе только с утра насыпал!

Керж смущенно потупился.

– Совести у тебя нет. – Я сплюнул ему под копыта. – Денег почти не осталось, с Лин поругался, Гильдия забыла. Скоро пойдем паломниками по Семи Обителям, чтобы с голоду не сдохнуть! Чего смотришь?! Понял?! Киваешь... Да ничего ты и не понял, скотина! – Я насыпал ему полные ясли и пошел в дом, мрачный, как туча.

Едва зайдя внутрь, я сбросил пыльные сапоги и с разбегу прыгнул на диван. Блаженство! Огонь в камине весело вспыхнул да затрещал – магический, четко чувствует хозяйна – и мне невольно подумалось, что все не так уж и плохо. Конечно, денег осталось немного, но ведь не в них же счастье, а в том, что на них можно купить.

Отбросив в сторону ставшую уже навязчивой мысль о золоте, серебре и прочих драгоценных металлах, я начал думать, где бы скоротать остаток вечера. На ум приходили только две вещи: усесться за древний фолиант «О пользе драконьей крови», который Джош Книгочей по сей день считает без вести пропавшим, или навестить старину Стопола в его таверне? Ну, пара монет у меня где-нибудь да найдется, так что последнее вполне-вполне...

И хоть идти куда-то не шибко хотелось, я решил, что читать старую книжку, в которой даже нет картинок, не самое подходящее для настоящего Ловкача занятие. Да и зачем мне, в конце концов, эта драконья кровь? Я ее и в глаза-то не видел (и, надеюсь, что не увижу!).

– Ну-ка, где там мой кошелечек? – Я отстегнул висящий на поясе мешочек и дернул веревочку, намереваясь пересчитать монеты, когда в дом влетел камень.

Обычный человек, окажись он на моем месте, не задумываясь, запустил бы этим же самым камнем вдогонку проклятым шутникам, но Ловкач обычным человеком не может быть по определению. Расстаться с камнем я успею всегда, а вот прочесть, что написано на листке бумаги, примотанном к нему, – нет. Аккуратно перерезав бечевку, я развернул сложенный вчетверо лист и прочитал: «Девять часов вечера. Добрая Псина. Фетиш».

О-хо-хо – в Гильдии опять поменялся главарь!

Мне везло вдвойне: мало того, что наконец-то перепало

прибыльное (а я уверен – оно прибыльное: у меня нюх!) дельце, так еще и Ловкачей возглавил мой бывший учитель! Поистине, судьба решила искупить свою вину предо мной двумя щедрейшими подарками!

Как же долго мне пришлось ждать этого проклятого заказа! Я уж, грешным делом, подумывал начать честную, порядочную жизнь, а тут – бах! с камнем ко мне приходит спасенье! Наконец-то я получу давно обещанный титул мастера Ловкачей и... немножко денежек на карманные расходы.

Вновь повесив на пояс кошель и сунув в ножны любимый Секач (кинжал с тончайшим лезвием из рунна в пять пальцев длиной), я вышел из дома.

Запирая замок, решил, что прекрасно обойдусь и без Кер-жа: до «Псины» всего минут двадцать ходьбы. Как раз к де-вяти доберусь!

Не знаю, почему, но, пока я шел, мне казалось, что кто-то за мной пристально наблюдает. Однако стоило войти в пор-товую часть Тчара, и таинственный наблюдатель (если он и был) от меня отвязался. Я еще раз огляделся вокруг и, ре-шив, что показалось, надбавил ходу.

Часть первая

СТАТУЭТКА ЛОКИ, или ДРУГ ПОЗНАЕТСЯ В БЕДЕ

Глава 1. Грамота мэра, или Убийца на дому

«Добрая псина» – не слишком удачное название для достаточно тихой портовой таверны, которая одиноким двухэтажным замком возвышается среди рыбацких домиков-коробок. Ей скорее подойдет название «дохлая», потому как особой жизни в таверне (да и порту вообще) обычно не наблюдается; только редкие посетители, словно улитки, переползают из угла в угол, да и то слишком вяло, будто засыпая на ходу.

Возможно, поэтому наша Гильдия и сделала «Псину» своим штабом. Да, публика тут была подходящая: порт Бедди населяли в основном продажные девицы, лихие пираты, бродяги без гроша за душой да проныры-карманники, всегда готовые вытащить пару монет у зазевавшегося посетителя. И хотя в Гильдию щипачи и входили, но прав у них было не

больше, чем у любого из новичков. Разгильдяй*¹ их и брал в Гильдию только на то, чтоб тчарский порт легче в руках держать. Хотя, впрочем, и вся северная часть города тоже была под негласным контролем наших. В южной же уже давным-давно обосновались прихвостни Орагарской короны, и зариться на нее Разгильдяй не решался: слишком огромен кусок, легко и подавиться. Хотя в последнее время самые храбрые (или глупые) Ловкачи часто устраивали этакие «набеги» на вражескую территорию, с каждым разом все более кровопролитные. Это не могло не повлиять на и без того слишком натянутые отношения сторонников короля и мошенников.

Быть в городе большой резне, не иначе. Благо, я, может, буду как раз заказ выполнять, а то еще ненароком и меня заденет.

Подмигнув стоящей возле входа в таверну «ночной бабочке», я зашел внутрь. Тут же в нос ударила мощная волна табачного дыма вперемешку с ядреным перегаром. Я невольно поморщился: никогда не любил подобной смеси «ароматов», и, хотя часто хаживал в «Псину» чего-нибудь выпить, до сих пор никак не мог к запахам этим привыкнуть.

Посетителей, как всегда, было немного: двое пиратов бо-ролись на руках за столиком у окна да высокий кобольд пил пиво, умиротворенно похрюкивая и качаясь на стуле (мебель жалобно поскрипывала, но степняк явно не собирался пре-

¹ главный в Гильдии Ловкач. – Прим. автора

кращать развлечение)...

Возле стойки стоял добротно одетый мужчина лет сорока с короткой опрятной бородой и кустистыми бровями, сросшимися на переносице. Завидев меня, он приветливо улыбнулся и, усевшись за стол по центру зала, жестом предложил к нему присоединиться. Со стороны эта сцена напоминала встречу старых приятелей, случайно увидевшихся в таверне после нескольких лет разлуки. Однако я с некоторым разочарованием понял, что учитель неискренен со мной: все его движения были наиграны и ненатуральны, что называется «на публику».

Видимо, повышение не пошло мастеру на пользу: власть захватила разум.

– Ну наконец-то! – учитель вновь широко улыбнулся. – Я уж думал, тебя проглотил пролетавший над городом дракон – ты все такой же толстый, как и десять лет назад, когда я только начал тебя учить!

– Да уж благо, не стараниями Гильдии! – огрызнулся я – сальные шуточки Разгильдяя в адрес моей тощей фигуры успели за время обучения мне порядком надоесть – и, взяв в руки принесенную Стополом кружку пива, отхлебнул пену.

– Да ладно тебе! – Фетиш примирительно поднял ладони. – Если б не я, ты бы все так же просиживал штаны на старом диване да семечки лузгал!

– Так, может, я тебе ноги целовать должен? Наверное, кому-то покажется, что называть бывшего учителя на «ты» не

слишком вежливо. Но у нас, Ловкачей, свои обычаи и традиции.

– Зачем мне это, Гриф? – фыркнул Фетиш. Будь уверен, одного моего слова достаточно, чтобы тебя нашли под пирсом с распоротым брюхом. Но я ведь не говорю этого слова?

Я тебя понял, дружок: ты решил показать, кто тут хозяин. Что ж, не будем тебе мешать... Я молча отхлебнул из кружки.

– Теперь о деле, – Фетиш пригубил немного пива, после чего кружевным платочком вытер с губ пену. – Вот аванс, – на стол плюхнулся большущий кошель. – Полторы сотни серебром тебе хватит изрядно. Задание в бэге. Жду тебя здесь же ровно через месяц, – последние слова Разгильдяй бросил, находясь уже около двери.

Корчмарь хотел было остановить его и заставить платить за ужин, однако, словно что-то вспомнив, лишь глупо потупил взор. Фетиш победно посмотрел на меня и, криво усмехнувшись, вышел вон.

Проклятье! Что он мнит о себе, этот старый прохвост? Неужто он думает, что ему теперь никто не указ?

– Эй, Стопол! – недовольно воскликнул я. Зло просто захлестывало меня, стремясь выплеснуться наружу. – Дай-ка мне кружку пивка!

– Ты-то хоть платить будешь? – подозрительно сощурился старик. Спросил он скорее для острастки, чтобы спустить пар: познакомились мы с ним еще в бытность мою подма-

стерьем – девять лет, без малого. А у меня никогда не было привычки обманывать старых знакомых.

– Буду-буду! – заверил я и, достав из кармана серебряную монетку, бросил ее на стол.

Корчмарь, видимо, обладал острейшим зрением, потому что тут же наполнил чистую кружку пивом и поспешил исполнить волю дорогого гостя. То есть меня.

– Вот ваш заказ, мастер! – Ух-ты, какие манеры у него проснулись!

Старый корчмарь не стал дожидаться моей благодарности (все равно бесполезно) и, торопливо подхватив со стола монету, попробовал ее на зуб.

– Настоящая... – удивленно пробормотал он.

– Обижаешь: поддельных не держим! А если и держим, то не для прохвостов вроде тебя, – я наигранно рассмеялся, стремясь вернуть пройдоху в хорошее расположение духа.

На лице корчмаря появилась легкая улыбка.

– Да ладно тебе! Какой же я прохвост? Все, как говорится, по заслугам! Вот ты знаешь, – старик громко высморкался в подол грязного фартука, сколько я плачу всем этим кухаркам и поварам?

– Откуда ж мне знать? – Я откинулся на спинку стула и с интересом уставился на Стопола – а ну-ка, сколько?

– Вот и я не знаю, прикинь? Сколько ни дашь – все мало! Работать совершенно не хотят! Одно б спали да ели, а деньги пусть сами рекой в карман текут! За что мне только такие

мучения?..

– Знаешь, Стопол, – сощурился я, – это твои проблемы, в которые мне лезть без надобности. Если хочешь еще монету – так и скажи! – Я бросил старику еще один сребреник.

Такого великодушия не ожидал даже я сам. Но старый владелец «Псины» знал, как запудрить мозги.

– Вот это другой разговор! – деловито кивнул корчмарь, запихивая монетку за пазуху. – Как говорится, на каждую рожу свои кон-ги-тент найдется!

– Контингент! – машинально поправил я.

– Ну да, точно, конингент! Но суть поговорок от этого не меняется!

Мы помолчали. Я лениво потягивал пиво, а Стопол все мял в руках выдавший виды фартук, ожидая, наверное, что меня вдруг снова тукнет дать ему сребреник. Наконец, пиво в кружке кончилось, и я, оттолкнув ее в сторону, потянулся, разминая затекшую спину.

– Может, еще кружечку? – осторожно предложил старикан.

– Нет, – покачал головой я, поднимаясь. Как-нибудь в другой раз.

Неожиданно за моей спиной что-то грохнуло.

Корчмарь шагнул влево, чтобы получше разглядеть, что же случилось, и гневно сдвинул брови.

– Свиное отродье! – брезгливо процедил он сквозь зубы.

Я с интересом уставился на лежащего посреди залы ко-

больда. Обломки того, что некогда выдерживало мощные сидалища пиратов и мошенников со всех концов Тчара, валялись вокруг. Судя по всему, свинтуса стул все же не выдержал...

– Ты где тому научился, придурок? – обратился к разрушителю Стопол. – Тут али у себя, в Степи?

– Да ладно тебе насмеяться! – смущенно буркнул кобольд. – Лучше б подняться помог!

Старый корчмарь, перебирая все известные проклятья, протянул свинтусу руку. Тот ухватился за нее и рывком поднялся. В сапогах радостно плюхнуло. Кобольд перемазался с головы до ног подливой и жиром; местами его серую рубашу оккупировал укроп, а на штанах за место под солнцем божились сельдерей и петрушка. В общем, вид у степняка был весьма плачевный.

Кобольд утер пятак рукавом и, пошарив в кармане штанов, протянул корчмарю два медяка:

– На.

– Что... ЭТО? – с отвращением глядя на монеты, спросил старикан.

– Плата за ущерб. У меня больше нету, последние отдаю!

– Вот ЭТИ ЖАЛКИЕ МЕДЯКИ за ОТ ЛИЧНЫЙ СТУЛ?! – корчмарь стал медленно закипать, но кобольд этого либо не заметил, либо просто не обратил внимания:

– Бери-бери! А стул не такой уж и отличный попался! Иначе б не развалился.

– Да ты хоть знаешь, КТО сидел на нем? Нет? То-то же! Во время визита в наш славный город племянник ныне покойного короля (чтоб ему, сердешному, в гробу не кашлялось!) почтил визитом скромное заведение вашего покорного слуги. Ты уже догадываешься, где он разместил свое седалище? Именно на этом стуле! И после этого ты хочешь отделаться двумя медяками?! Давай, выворачивай карманы, пока я лицейских не позвал!

– Нету у меня денег больше! Сколько можно повторять?

– Значит, будешь сегодня в Лицее ночевать!

– За что? – взвыл кобольд. Бедняга, видимо, считал Лицей чем-то вроде пещеры дракона: темным, мрачным и воюющим. Ну, где-то он прав, но камеры в Тчаре не слишком и темные!

– За порчу имущества!

– Но я... – кобольд осекся. – Ладно, есть у меня кое-что. Но я могу оставить его только под залог!

– Давай уже, показывай! – поторопил его Стопол. – Если там что-то действительно стоящее, так и быть – дам тебе пару дней, денегат подсобрать.

Кобольд понимающе кивнул и, пошарив в своем бэге, положил на стол молот. Нет, пожалуй, даже Молот! Сключник-тор слюнями изошел бы, коли увидел, и заложил бы глаз (конечно, не свой Хрофта: зачем богу мудрости один?) за великолепную игрушку!

Я невольно залюбовался дивным оружием. За такой рари-

тет любой коллекционер удавится, а воин, хоть немного понимающий в оружии, умрет сам – от зависти. Всю рукоять покрывали древние руны, которые разобрать смог бы, наверное, один Хрофт (впрочем, без глаз он вряд ли что-то прочел бы!).

Молот впечатлял. Я бы такой в руки Стополу не дал: спустит в две минуты! Впрочем, давать или нет – это уже дело свинское...

Стопол, увидев молот, изрядно струхнул, перепугавшись, наверное, что кобольд сейчас взбесится и начнет крушить стены. Поэтому он торопливо прохрипел:

– Ладно, степняк. Даю тебе три дня... – И, не назвав, на что же кобольд получает этот срок, потянулся к чудесному молоту. Еще секунда – он уже сожмет рукоять и...

Лезвие секача замерло возле горла старого корчмаря, готовое в любой момент про пороть кожу и забрать с собой жизнь старика.

– Не вздумай, – тихо предупредил я. Кинжал в моей руке чуть дрогнул. Владелец таверны невольно поежился – по шее тоненькой струйкой потекла кровь. – Я заплачу за него. Сколько?

– Два... серебряных... – прохрипел старик, с ненавистью глядя на меня. Выглядел он неважно и жалко – не то что пару минут назад.

Впрочем, я бы посмотрел на себя, окажись у моей шеи лезвие меча или кинжала. Да и, как выяснилось позже, нуж-

но было оставить все как есть, никуда не лезть и уж тем более не спасать пяточкастого вепря. Но тогда меня действительно понесло.

Выудив деньги, я бросил их на стол. Корчмарь тут же ско-сил глаза в сторону монет, однако взять их пока не решался. я все еще держал клинок у его кадыка.

– Забирай свой молот, – велел я кобольду.

Тот быстро подхватил реликвию и замер, вопросительно глядя на меня.

– А теперь пошел вон отсюда, и чтобы через минуту тебя здесь не было! Понял?

Вепрь, немного обидевшись на «пошел!», кивнул и юрк-нул к выходу.

Когда дверь за его спиной с шумом закрылась, я соизво-лил убрать клинок в ножны.

– Стыдно молодых дурить! – упрекнул я старика. – Заби-рай деньги, Стоп, и не делай так больше!

– Хорошо, – подтвердил владелец «Псины», сгребая мо-неты в ладонь. Брешет, конечно: завтра же обманет! – Ваше слово – закон, сударь! Может, еще пива за счет заведения?

– Нет, спасибо. Хотя... Может быть, завтра...

– Завтра скидок уже не будет! – поспешно выпалил ста-рикан.

– Не будет – так не будет! – легко согласился я. Меня са-мого завтра уже не будет, чего уж там... – Мне как-то и так неплохо, без скидок... Но ты смотри у меня!.. – я погрозил

корчмарю пальцем.

– Ты иди, куда шел, а со своими делами я и без тебя разберусь! – огрызнулся владелец таверны. Похоже, сегодняшней я уже стал его раздражать. – Нечего тут командовать!

– Сколько я должен за ужин, Стопол? – влез в нашу беседу подошедший к стойке пират. Его дружок громко храпел за столиком, видимо, перебрав лишку.

– Пять серебра, – сухо ответил ему старик.

Моя выходка с кинжалом, похоже, окончательно испортила ему настроение.

– Вот тебе десять, – пират высыпал на стол перед корчмарем горку монет. – Забирай, я не жадный!

– Забирай лучше своего дружка, – прошипел корчмарь сквозь зубы, – и чтобы духу вашего здесь не было: распугаете мне всех посетителей!

– Уно моменто! – Моряк не преминул блеснуть знанием иноземного диалекта, но, поняв, что оно никого не интересует, вздохнул и отправился к столику, где дремал его приятель.

– Ладно, Стопол, – подал голос я, когда маленький спектакль подошел к концу, – мне, пожалуй, пора!

– Приятной дороги, – бросил мне в след корчмарь. – Коз...

Что там еще кричал Стопол, я не слышал, потому что уже был на улице.

В лицо бил хлесткий и безвредный бродяга-ветер, новое

задание лежало в кармане (деньги, причем очень неплохие, мне явно светили), поэтому я, немного подумав, извлек из-за пазухи трубку, огнивом выбил искру, глубоко затянулся и с удовольствием выпустил дым. Ах, какое наслаждение, какой чудесный табачок! Порой мне кажется, что курение – это единственный способ убежать от реальности в некое подобие грез, где все безоблачно, в отличие от проклятой действительности. Хотя, конечно, и в повседневной жизни бывают свои маленькие праздники. Как сегодня, например.

Мои размышления прервал до боли знакомый голос:

– Мастер... э-э-э...

– Гриф. – Я даже не стал поворачиваться, понимая, что последует дальше: от юного степняка ожидать чего-то пооригинальней не приходилось.

– Ага! Ну, это... спасибо вам!

– Да чего там! Пустяки! – лицемерно смутился я. Не хотелось обижать вежливого свина: много ли их осталось в Орагаре? – Жалко стало твой молот – эта ж скотина его продаст!

– Ага... А скотина, это... корчмарь?

– Ну, а кто ж?

– Ага... Так вот... если вы в беду, то я... помогу, в общем!

– Ясно. – Я согласно кинул, хотя мысленно зарекся просить у кобольдов помощи. – Ладно, я спешу. Если надо будет, найду тебя сам.

– Ага... Но вы все ж учтите!

– Учту! – С этими словами я развернулся на каблуках и

двинул прочь.

Свежий осенний ветерок уже не радовал меня.

На душе было слишком гадостно от осознания моих действий: словно над ребенком издеваюсь, ей-Один! Отвратно...

Легкий «сквознячок» сменил настоящий ветер. Он пронизывал насквозь, заставляя неприятно ежиться с каждым новым порывом. Оглянувшись через плечо, я увидел, что кобольд продолжает стоять на пристани, глядя мне вслед. Проклятье! Я грязно выругался и, накинув капюшон, ускорил шаг.

Едва оказавшись дома, я, не раздумывая, высыпал содержимое бэга на пол. Пошарив в куче барахла, отыскал свернутый в трубочку лист пергамента и коротким ножом сорвал скрепляющую края бечевку. Развернул.

«Статуэтка Локи. Святилище огров в Хейстримовых горах. Срок – месяц. Награда – тысяча плюс звание мастера-Ловкача. Невыполнение смерть» – значилось в записке.

Старый пройдоха, видимо, решил сэкономить на чернилах, и потому задание было представлено только в основных чертах. Впрочем, я уже привык к подобной формулировке. Надо лишь хорошенько поднапрячь мозги...

Итак, статуэтка Локи. Слышал я сказки, что-де она приносит владельцу удачу, однако верить им – все равно что верить в ковры-самолеты и скатерти-самобранки. Но почему-то на подстилках для ног никто еще не летает, а скатерти не научи-

лись ругаться, тем более – на себя. Значит, и золотой болванчик вряд ли кому-то сможет помочь.

«Святилище огров» – вот это уже куда интересней. Зачем туповатым монстрам могла понадобиться статуэтка бога? Может, пылинки с нее сдувать и молиться от восхода до заката? Учитывая их великий ум, вполне возможно...

Хотя, впрочем, не столь важно, сколько у огров мозгов. Гораздо важнее срок выполнения заказа: всего месяц! Задание казалось не настолько простым, чтобы выполнить его в такие короткие сроки. Но слово Фетиша – закон. Иначе, как сказано в записке, – смерть.

«Награда – тысяча, звание мастера» – вот, пожалуй, единственная запись, действительно порадовавшая меня. За такие деньги и звание можно и расстараться! Зная натуру Фетиша, я справедливо полагал, что под «тысячей» подразумевается тысяча золотых, а под «мастером-Ловкачом» мастер-Ловкач. Вот получу законные денежки тут же уйду на пенсию, куплю себе дом где-нибудь в пригородах Зрега и буду жить до самой смерти в чистоте и роскоши, пользуясь льготами Гильдии, введенными специально для мастеров. А не в той хибаре, где сейчас: сорвавшаяся с потолка капля плюхнула об пол, подтверждал мои слова.

Главное – не опоздать, а то вместо увесистого мешка с золотыми получу деревянный ящик и каменную плиту...

Скомкав записку, я сунул ее во внутренний карман куртки. Можно было, конечно, и съесть, как это делают многие

в Гильдии, но, честно говоря, не питаю особой страсти к бумаге, предпочитаю ей мясо и хлеб. Лучше потом сожгу.

А пока я извлек из валявшегося на полу хлама подробную карту Орагара. Земли Баронской Общины там тоже значились, правда, одним белым пятном – ни тебе рельефа, ни тебе городов. Впрочем, те земли мне сейчас и не нужны. Зато нужна горная цепь, разделяющая Общину и Орагар, потому что именно там, если верить записке, находится святилище огров, а, значит, и статуэтка.

Хейстримовы горы занимали живущие на вершинах огры, голиафы и циклопы, а в подземельях до сих пор воевали за Андервол непримиримые враги – гремлины и гномы. Тчар, где я, – на северо-востоке, у Хедрикова моря. То есть примерно полторы недели пути... Плюс-минус три дня на остановки, покупку провизии и различные стычки с «романтиками большой дороги»... Итого две недели. Негусто... Если еще и с ограми договориться не удастся, тогда вообще печально. Но разве не для того существуют проблемы, чтобы их решать?

К югу от Тчара, в двух днях по Броуновскому тракту, лежал город Зрег, ныне объявленный «вражеским оплотом» за непризнание нового короля Орагара – молодого и амбициозного Штифа. Несмотря на цепкость и светлый ум, он имел, по словам зрегского мэра Булина, весьма существенный недостаток – молодость: на момент коронации (три года назад) Штифу только-только исполнилось семнадцать. Бу-

лин, только что отпраздновавший сорокалетие, не прибыл даже на торжественный ужин в честь новоиспеченного самодержца. В ответ на упреки дворянства он презрительно заявил, что «подчиняться безграмотному сосунку раньше, чем тот наберется ума, он не будет». Штиф, естественно, обиделся, но не решался пока в открытую выступать против бунтаря, опасаясь, что суматохой внутри страны воспользуется Баронская Община.

И вот Зрег уже три года кряду был таким «королевством в королевстве». Воспользовавшись стечением обстоятельств, грабители, мошенники и прочее жулье, которое по Своду уже заработало себе смертную казнь, стало стекаться в город. Бедняга Булин первое время не знал, что с ними делать: преступников вешали, душили, рубили, а они, казалось, знай себе множились. Однако радикальное решение нашлось очень быстро – преступники, желающие жить в Зреге, должны были поступать на службу к мэру. То есть стать стражниками.

Жулье и из этого ультиматума извлекло для себя пользу: теперь они стали грабить простых жителей на законных основаниях. Многие порядочные люди покидали город, не в силах выдерживать произвол стражи. Но население от этого не редело: каждую неделю с караваном в город приезжали искатели лучшей жизни, которые, правда, девяносто процентов из ста, были все теми же бандюгами. Остальные десять процентов, как правило, долго не задерживались, поки-

дая Зрег с новой волной беженцев.

Еще ниже располагалась столица Орагара – Суфус. Это был поистине боголепный город: множество богатых домов, в которых жили самые знатные дворяне королевства; огромны и рынок, куда стекались купцы со всего Орагара и даже Забугра; знаменитый далеко за пределами столицы трактир «Королевское похмелье», двери которого всегда были открыты для посетителей и закрыты от хозяев, – и это лишь малая толика всех его достопримечательностей, которых я, к сожалению, воочию не видел.

Мудрецы по всему Орагару постоянно спорили, сколько «простоит» Суфус во время осады. В итоге мнения разделились. Священники Силы утверждали, что, если даже под топором захватчиков падут Мусалим, Залун и Зрег, Суфус сможет держать оборону хоть до второго пришествия Паладина. Служители Семи Обителей с этим утверждением были не согласны, потому как считали, что столица продержится лишь до Рагнарека. Третья сторона (совсем уж небольшая группа) смутно догадывалась, что эти события скорей всего совпадут, но предпочитала открыто не высказываться, боясь оказаться в оппозиции к первым и вторым.

Наверное, поеду по Столинскому, ведущему от Зрега прямо к Хейстримовым горам. Этот путь – наикратчайшая дорога к святилищу. Но при всех его плюсах мне придется несколько дней ехать по Степи, где каждую минуту ждешь нападения орков. Конечно, это лишь ошметки бывшего вели-

чия Орды, готовые любыми способами попортить кровушку своим главным врагам – людям и дремофорам. Конечно, с новым законом о расовом равноправии орки могут не опасаться нападения извне. Конечно, и я не последний тюфяк.

Но все эти «конечно» для орков – не более чем пустой звук. Как и закон о равноправии, кстати.

Я невольно поморщился, вспоминал пресловутое нововведение. Да, дремофоры, гоблины и прочие монстры теперь могли селиться в крупных городах, жить и работать там, не боясь наполучать тумачков за принадлежность к нелюдям. Они вроде бы даже получили права обычных граждан королевства.

Да и тумачки, к слову, продолжали получать... И в то же время и я, и все остальные орагарцы, и даже те же нелюди прекрасно знали: закон этот – обычная показуха, пустые слова, из разряда тех, которые сначала говоришь, а потом забываешь. Всего лишь еще одно бессмысленное обещание очередного короля, стремящегося задобрить народ. Наверное, напомни Штифу об этом законе сейчас, он бы ни за что не поверил, сказал бы что-то вроде «Это я, Штиф, такую глупость сморозил? Да не может быть!».

Впрочем, все это дворцовые интриги, меня, обычного Ловкача, абсолютно не трогающие: нелюдем я пока что не стал, а остальное уж как-нибудь перетерплю. Хотя, если опоздаю, за мной, наверное, похуже, чем за любым нелюдем, охотиться будут.

Как по заказу, воображение послушно нарисовало перед глазами Фетиша с огромным мясницким топором. Разгильдяй замахивался, чтобы отрубить мне, заключенному в колодки пленнику, голову. От ужаса я скорее интуитивно мотнул головой. Фетиш мгновенно исчез, обольстительно улыбнувшись напоследок. Я нервно поежился и, опасливо оглядевшись по сторонам, вновь склонился над картой.

Все, хватит уже думать – еду по Сталинскому! Положив карту в тубус, я легким и метким броском отправил его в раскрытый зев бэга. Следом отправились кошель с десятком медяков (так, для отвода глаз), Жужелица, колчан с болтами для нее (обычными и волшебными), три мешочка с пяточкой и даже пара дырявых носков «на смену». Небольшой нож, скорее кухонный, чем боевой, сунул за голенище сапога. Подумав немного, повесил еще метательных ножей на пояс: так, на всякий случай. Оценивая оглядев мешок, остался доволен: он был забит всего наполовину. Значит, и нести легче будет. Остальное можно и на Кержа повесить.

Внезапно дверь второго этажа протяжно скрипнула.

Я замер, скорее рефлекторно, чем осознанно. Неужто привидение? Хотя нет, тому бы и дверь открывать не понадобилось. Но тогда кто?

Скрипнуло вновь; на сей раз стонали ступеньки, проседая под кем-то тяжелым и, по всей видимости, довольно ловким.

Я не стал ждать, пока лжепризрак спустится вниз и застанет меня, а значит и бумагу с заказом. Тенью скользнув в ка-

мин, я засел там, благо, дров в нем почти не было, и лишнего шума удалось избежать; да и вечер уже как-никак, осенью темнеет раньше, значит, если и заметят, то не сразу.

Как только спустится, огрею поленом по голове, а после буду расспрашивать, решил я, осторожно примеряя дровяшку по руке.

Тихо скрипели ступеньки, возвещая о пребывании в доме кого-то чужого. Им не нравилось держать его на себе, но сопротивляться они, к сожалению, не умели.

Наконец ступеньки замолкли. Я чуть-чуть наклонился вправо, чтобы как следует разглядеть таинственного гостя, и в то же время стараясь, чтобы ему было невозможно обнаружить меня. А посмотреть было на что: у детины были огромные волосатые лапищи, могучий торс, облаченный в тонкую жилетку, толстые, будто стволы деревьев, ноги и бритая налысо голова. Такого не то, что поленом, – булавой семифутовой не осилишь: разве что еще одного бугая такого сверху уронишь!

Бритоголовый верзила огляделся по сторонам. Узрев лежащий возле дивана бэг, громила довольно улыбнулся.

– Вот она где, – прошептал лысый лжепризрак едва слышно.

«Ничего себе воры пошли! – со злостью думал я. – Такой кабан может даже не лазить по чердакам; только в дверь постучать, попросить денег да мешок подставить, чтобы потом по земле не ползать, собирая!»

А между тем громила уже подхватил мой несчастный бэг и собирался преспокойно покинуть дом, когда...

В дверь постучали. Настойчиво, даже немного нагло. Ухмылка мгновенно слетела с лица верзилы, и он, опустив бэг на прежнее место, пошел открывать.

Я немного ошалел от такой тупости (или наглости?): а если там вся королевская гвардия прискакала, а он – милости просим? Впрочем, это наверняка лишь кто-то из моих знакомых. Представив себе их лица, я едва сдержал злорадную улыбку: увидеть такого великана вместо меня, красивого, гибкого и ловкого – стопроцентный приступ.

Чертыхаясь, я снова начал подбирать полено для «черного дела».

Скрипнули петли.

Из камина было не разглядеть, кто ж таки пришел ко мне в гости, однако по голосу я с удивлением опознал кобольда, того самого, из таверны.

«И зачем я его спасал?» – мелькнуло в голове. Нужно было что-то сделать. Начнут эти двое тут драться – конец моей мебели и позапрошлогоднему ремонту. Я попытался бесшумно извлечь секач из ножен, но проклятый кинжал наотрез отказывался выползать из уютного дома. А, может, тоже великана испугался? Хотя это так, нелепая шутка. Плюнув, я проверил, на месте ли ножи (а куда б они делись?), и на цыпочках стал красться к дивану.

Между тем на пороге разыгрывалась настоящая драма с

участием двух лиц...

– А... где?... – пробормотал оторопевший кобольд, недоуменно глядя на громилу.

– Кто где? – грубо спросил здоровяк.

– Мастер... Гриф мне нужен! Где он сейчас?

– Не живет он здесь больше, – угрюмо сообщил верзила. – Съехал. Дом продал и в горы поехал. Лечиться.

– Да неужто? – вскинулся я. О, мой проклятый, длинный язык!.. Почему он ворочается, когда должен лежать? – Кто чего продал?!

Громила такого поворота событий явно не ожидал.

– Ты чего здесь делаешь? – удивленно просипел он, буравя меня взглядом.

– Вообще-то, живу! – хмыкнул я в ответ. Наглость никогда не была моим главным достоинством, однако сейчас пришлось расстараться, чтобы не выглядеть полным кретином. – А вот что здесь делаешь... – и осекся, лишь взглянув верзиле в глаза.

Маленький зверек, имя которому Страх, неожиданно стал огромным, и я крепко сжал челюсти, чтобы не видно было, с какой частотой они ударяются друг о друга. Впрочем, когда верзила вновь расплылся в гаденькой, злой улыбке, у меня еще и коленки затряслись. Ловкачи, как я говорил, вообще ребята не шибко храбрые, иначе бы в наемники подались, а так – только портки испоганишь, если ударить надумает!

– Я здесь живу. А если кто с тем не согласен, – в правой

руке у громилы не слишком приветливо блеснул здоровенный нож, с ужасающе широким лезвием и гладкой стальной рукояткой, — я докажу!

— Да ладно, что уж там, — пожал плечами я, понимая, что такого здорового парня да еще с таким огромным ножом одолеть мне вряд ли под силу. — Живи, коли больше нигде! Я уже давно хотел себе новую хибарку поискать, вот и возможность представилась...

— Э, нет, гаденыш, — цокнул языком верзила, — тебя убить надо обязательно. И поросю тоже... — свинтус от такого оскорбления весь пошел пятнами, но, поймав на себе холодный презрительный взгляд лысого, тут же погас. — Сравняем ему зад с рылом, во потеха будет!..

Такого унижения уж никакая порядочная свинья стерпеть не может. Тем более столь знатная, как кобольд. Выхватив раритетный молот, степняк с криком «Убыю!» бросился на обидчика.

Верзила нехорошо ухмыльнулся и вlepил озверевшему свинтусу в пятак, забыв, видимо, что можно свободно и ножиком пырнуть. Бедолага отлетел к стене, больно (а, может, и нет — чему в его голове болеть?) ударившись затылком. Я мысленно чертыхнулся, понимая, что теперь кобольд мне вряд ли поможет, и, со скрежетом выудив секач из ножен, принял боевую стойку. Впрочем, боевой мою стойку мог назвать только слепой: правая нога впереди, левая — чуть сзади, колени чуть согнуты и постоянно вздрагивают, словно

листья на ветру; обе руки на короткой рукояти кинжала... В общем, серьезный парень – что еще добавить?

Верзила при виде столь «грозного» оружия лишь громко расхохотался.

– Вот посмеюсь, когда накручу твои кишки на эту палку, – сквозь смех выдавил он из себя и вразвалочку двинулся ко мне.

Я напрягся, готовясь к короткому бою: либо громила подойдет вплотную и просто сломает меня напополам, как тростинку, либо кобольд хоть как-то отвлечет этого лысого домушника, и тогда оба ножа, висящие на поясе, окажутся в глотке великана.

Похоже, Один опять решил мне помочь: степняк зашевелился и, дрожащей рукой подняв молот, швырнул его в лысого.

Раритет отскочил от спины громилы, словно камешек от гранитной стены. У меня чуть глаза наружу не выпрыгнули, когда я это увидел. Великан лишь усмехнулся и демонстративно поцеловал висящий на шее оберег: наверняка от магии.

Впрочем, оставлять степняка за спиной и в сознании явно не входило в планы моего убийцы. Решив, что я вряд ли успею сбежать, великан повернулся к кобольду и пошел на него.

Что же он решил: что я буду просто стоять и ждать, когда он прирежет беспомощного кабанчика? Ха! Ловкач никогда

не оставит в беде невинно обиженного, если от судьбы этого обиженного зависит его собственная жизнь!

Один из ножей, словно молния, рассек воздух и вошел лысому между лопаток. Второй, чуть запоздав, – точнехонько под затылок. Не долго думая, лысый рухнул на пол, стараясь, видимо, подмять обессилевшей тушей бедного свина, однако его коварный план не удался, и домушник просто растянулся во весь рост на пыльных досках.

Во какого великана завалил! Кому рассказать не поверят. Такого бы в нашу Гильдию – весь Тчар бы у королевских отвоевали. Впрочем, мозгами он явно удался в дальнего родственника, коим был булыжник.

Пока я полою великанского плаща оттирал лезвия ножей от крови, кобольд, кряхтя, поднялся с пола и поплелся к стоящему посреди комнаты дивану. Едва дойдя до него, степняк рухнул на мягкие подушки и блаженно застонал, довольный, что все вышло именно так.

Закончив возню с ножами, я снова повесил их на пояс (раз ужегодились!) и обшарил лысого, надеясь найти хоть что-нибудь интересное в карманах его жилетки и брюк. В штанах, кроме пары сомнительного вида носовых платков и запасных трусов, не нашлось ничего интересного, зато жилетка преподнесла сюрприз: в нагрудном кармане обнаружилось маленькое золотое колечко, на котором красивым каллиграфическим шрифтом было выгравировано «Лысому от корешей».

Обывателю ношение кольца в кармане не показалось бы странным, пусть даже сие колечко и не свадебное, однако я тут же насторожился: почему бы не надеть подарок друзей на палец, как сделал бы любой нормальный человек? Боязнь карманников? Вряд ли: к такой махине и подойти страшно, а уж красть у него – это только я, бездомный сирота, способен. Значит, либо Лысый просто опасался потерять его, что наиболее вероятно, либо не хотел, чтобы я это самое кольцо видел. Если первое, то понятно... А вот если второе, то тут же напрашивается новый вопрос: почему? Почему мне лучше было бы не видеть кольца?

И тут меня осенило: я ведь видел и кольцо, и Лысого раньше! Это было еще в начале лета, на тчарском рынке. Я тогда стибрил у забугрского торгаша знаменитый циркониевый браслет (тяжелый оказался, зараза; из-за него, пожалуй, и не взял я то кольцо, хотя и подметил), а один из телохранителей обворованного – этот самый Лысый – заметил пропажу.

Верзила искал меня по всему городу с таким вящим упорством, что в один прекрасный момент мне эта настырность просто осточертела и я познакомил его с толпою местных хулиганов. Уличные так надавали ему по голове, что бедолага две недели провалялся в кровати с опухшей физиономией да сломанным пальцем (с которого уличные так и не смогли стащить кольцо) и напрочь зарекся связываться с бродяжками. Когда он вернулся на пост, браслета, естественно, уже и след простыл, а меня от всего выпитого и съеденного на вы-

рученные деньги так раздуло, что целых три дня пришлось валяться дома: я просто не мог встать с кушетки.

Неужто Лысый настолько злопамятен, что и спустя два месяца все же жаждет отомстить за поруганную честь? Или здесь что-то другое? Впрочем, иного объяснения визиту громилы в свой дом я пока не находил.

Обнаруженная во внутреннем кармане жилетки записка окончательно сбивала меня с толку: на ней значился полный адрес моей хибарки и время, когда хозяин, то есть я, чаще всего бываю дома. Подчерк послания был мне незнаком, поэтому оставалось только догадываться, кто же тот умник, который разбрасывается моими данными направо и налево?

– Мастер Гриф, – голос кобольда отвлек меня от мыслей.

– Ну, что еще? – раздраженно бросил я, продолжая шарить по карманам жилетки. Черт! Больше ничего интересного!

– Дайте, пожалуйста, мой молот. Он где-то на полу

– Я тебе что, слуга, что ли? – недовольно буркнул я. Со всем распустился, свинтус: нашел оруженосца.

– У меня спина болит, мочи нет. Сделайте одолжение!

– Ну, ладно, – я наклонился и поднял оружие кобольда с пола. Невольно загляделся: настолько оно было прекрасно. – Где ты только такой молот нашел?

– Это реликвия рода, – пояснил кобольд, не поднимал головы. Со стороны могло показаться, что свинтус умер, однако постоянные колебания тела авторитетно заявляли: степ-

няк еще попортит врагам кровь. Только отлежится... – Мне передал его отец две недели назад, в день моего совершеннолетия – по законам нашего племени, кобольд, которому исполнилось шестнадцать лет, становится мужчиной и получает право носить оружие.

– То есть ты только из Степи прибыл?

– Да. Позавчера вечером.

– Где же ты жил все это время?

– В «Доброй псине».

– Да? – усмехнулся я. – Видимо, после сегодняшнего случая Стопол тебя просто выселил?

– Не знаю, но я боюсь появляться в таверне.

– То есть ты хочешь сказать, что даже не забрал оттуда вещи? – я не поверил ушам.

– Ну да. А вы думаете, можно было? – кобольд приподнял голову с боковины дивана и удивленно посмотрел на меня, словно я был не человеком, а шестикрылым морским петухом, пышущим огнем во все стороны.

Я даже не нашелся, что ответить. По крайней мере, сейчас дергаться не имело смысла: предприимчивый Стопол уже наверняка спустил все состояние кобольда первому попавшемуся заезжему купцу. Впрочем, мне ли ломать об этом голову?

– Это, конечно, очень грустная история, и мне искренне жаль тебя, – просто так послать кобольда куда подальше я не решился, хотя и понимал, что следовало бы: помогать каж-

дому встречному – не лучшее времяпровождение для во-
ра, обремененного важным заказом. – Но зачем ты приперся
ко мне домой? И как вообще узнал, где я живу?

– Легко, – довольно хрюкнул кобальд. Похоже, потеря до-
рожного скарба ничуть его не беспокоила, и я еще раз пожа-
лел, что не послал тупую свинью ловить раков в Истинском
Море. – Мне гном в таверне все рассказал.

Пожалуй, единственным моим знакомым гномом, любя-
щим посидеть в «Псине» за кружкой пива, был Землерой,
старый приятель, много раз помогавший мне в продаже кра-
деного. Коротышка никогда не подводил меня, и я не сомне-
вался в нем ни на дюйм. Впрочем, рассказывать незнакомому
кобальду о старом подельнике – это не есть красиво...

– Ладно, проехали. Скажи-ка лучше, зачем ты меня ис-
кал?

– Я думал, вы поняли, мастер Гриф, – пожал плечами ко-
бальд.

«Понять-то понял, – зло подумал я, – а вот ты то сам по-
нимаешь, что собираешься просить?»

– Позвольте мне переночевать у вас, мастер Гриф!

– И где ты спать собрался? – усмехнулся я. Смеяться над
сырым и убогим нехорошо, но весело. – На коврике возле
порога? Или, может, в конюшне, рядом с моим меринком?
У меня в доме всего один диван, и он лишь мой и ничей
больше!

– Я могу поспать и на полу! – поспешно заверил степняк.

– А я не могу позволить гостю моего дома отмораживать лучшее на холодных досках, – парировал я. Как говорится, и не таких бивали! – К тому же я завтра уезжаю из города. – Оп! Опять мой длинный язык...

– А куда? – тут же загорелся свинтус.

– Не твое дело, – сказал я, пытаясь замять прошлую ошибку. – Хотя, впрочем, это не секрет: я еду к своей бабуле – надо проведать старушку, по хозяйству помочь, то да се – болеет ведь она, сердешная... В общем, ты меня понимаешь?

– А где же живет ваша бабушка?

– Она живет... – тут я замялся: где может жить моя любимая бабушка, моя кормилица, оплот добра и света, если я, беспризорник и воришка, ее никогда в жизни не видел? Как и столь же любимых родителей, голоса которых не слышно вот уже двадцать пять лет? Я не питал бессмысленных надежд, что, когда мне исполнится двадцать шесть, мать и отец вдруг решат объявиться. Может, все дело в том, что я просто не знаю, когда точно день моего рожденья? – Подожди-ка, подожди-ка... Если это бабка по линии матери, то она как раз недавно переехала... в Зрег! Точно, вспомнил!

– Как же вы собирались поехать к бабушке, если даже не помнили точно, где она живет? – кобольд недоверчиво хрюкнул.

– Извини, дружище, но это уж точно не твое дело. Как говорится, задача не для особо развитых умов. Короче, я завтра еду в Зрег, а потому...

– Позвольте кое-что вам предложить, мастер Гриф! – перебил меня кобольд. Я послушно замолчал, Выжидаяще глядя на степняка. – Если вы позволите мне переночевать у вас, то до Зрега я, Свэн из великого рода Свинкеров, – ваш верный телохранитель. С вашей прекрасной головы не упадет даже волос, даю вам слово! Только... Позвольте остаться! Всего на ночь. Зато – бесплатная охрана.

Приехали! Шестнадцатилетний сопляк из какого-то Одином забытого рода, только-только получивший право носить оружие и даже толком не умеющий им владеть, – пожалуй, самый плохой телохранитель, который вообще есть на свете!

Впрочем, бесплатная помощь еще никому не повредила. Главное – чтобы не мешала!

Минуту поколебавшись, взвесив все «за» и «против», махнул рукой:

– Согласен. – Радостный кобольд хотел было меня обнять, однако я ловко вывернулся и добавил: – Только до Зрега. И спать будешь на полу. И никакой самостоятельности: делать только то, что я скажу! И клячу я тебе тоже не дам – пешком пойдешь. И вообще...

Тут степняк все же добрался до меня и сдал в своих медвежьих объятьях. Мне оставалось только протестующее булькать, не имея возможности сказать хоть что-нибудь членораздельное, а счастливый свинтус тихо шептал:

– Спасибо вам, мастер Гриф! Не дали погибнуть бедняжке...

Морлоки, молодой и старый, неспешно прогуливались по Холвилю. Юный Тиринь говорил без умолку, как и подобает любому юнцу, а мудрый Мунсень задумчиво теребил зеленую бороду, порой вставляя свое веское слово.

– Хорошо сейчас живется, мастер Мунсень, ей-богу, хорошо! Слава Одину, люди наконец поняли, что они не одни на Капаблаке!

– В чем же это выражается, мой юный друг? усмехнулся старик.

– Ну, как же?! Разве новый закон о равноправии – не шаг к примирению?

– О нет! Ты слишком молод, чтобы понять всю суть этого треклятого закона.

– Зачем мне его суть? Я знаю, что могу спокойно приехать в любой город, поселиться там, работать, и ни один человек не скажет мне: «Убирайся в свой занюханный Холвиль, уродец, здесь и без тебя мусора хватает!»

– Скажут. И не один раз.

– Но ведь закон...

– Толку с него – ноль. Что, не слышал историю с Мастаком?

– Ну, слышал, – нехотя согласился Тиринь.

– Ему мало того, что работы не дали никакой, так еще из города погнали, чтобы воздух не портил! И ты говоришь о равноправии? В Орагаре правят бал люди, давно пора с этим

смириться! Скажи спасибо, что еще из Холвиля не поперли всех нас, хотя и это, чует моя борода, не за горами!

– Зачем же тогда законы, если они не действуют? – растерялся Тиринь.

– Чтобы показать свою власть. Думаешь, наш досточтимый король с детства мечтал освободить нас, нелюдей, от гнета? Простая показуха: мол, смотрите, как, я могу перевернуть обстановку в Стране. А на деле... Э-э-эх!.. – старик в сердцах махнул рукой. – Пропади оно все пропадом!

– Да ладно вам, мастер Мунсень. Пошлите-ка лучше в «Пьяного лосося», пивка хлебнем. И Мастака с собой прихватим...

– Не прихватим, – старик кивнул в сторону маленького домика мастера. – Работает он. А ты не хуже меня знаешь, что беспокоить его во время работы не след: яриться будет и все одно не пойдет!

– Да уж, знаю, – вздохнул Тиринь печально. – Ну да ладно, пойдем вдвоем!

И морлоки, тихо беседуя, скрылись в тени...

Да, Мастак работал. Находке его позавидовал бы любой механик; даже Силко Мерило, изобретатель парового танка, кусал бы локти, прознав о добытой Мастаком штуке. И где: на заброшенной делянке, где с пару сотен лет никто не работал!..

Мастак нашел голема. Правда, поломанного. Впрочем, не будь он таковым, вряд ли провалялся бы столько времени без

дела.

Легенды об этих великих созданиях богов он слушал с замиранием сердца еще в далеком-далеком детстве, от покойной ныне прабабки. Впрочем, память всегда откладывает любопытную информацию в почти что бездонную кладовую, чтобы в нужный момент достать ее и помахать прямо перед глазами: вот чего есть!.. Память об этой легенде пришлась как нельзя кстати.

Големов создал великий Фрейр, бог плодородия и достатка, еще в Глухие времена, когда эльфы делили с дремофорами Вербронский лес. Бог подарил их людям, чтобы облегчить посев и сбор урожая.

Много лет големы-работяги славилась по всей Капаблаке и были неоценимыми помощниками в хозяйстве.

Впрочем, как бы они ни были прекрасны и безупречны, сбой в их работе все же случился: сначала один голем восстал против хозяина, потом другой, третий, затем счет пошел на десятки и сотни. Тогда же выяснилось, что големов очень трудно сломать. Так что бедным хозяевам, решившим усмирить восставших, пришлось действительно туго.

Многие полегли, прежде чем Фрейр соизволил ответить на молитвы людей и уничтожить созданные им машины. Ему, как создателю, тяжело было видеть, как на его глазах големы обращаются в хлам, разваливаются один за другим, но еще тяжелее было слышать стон неповинно гибнущих селян.

Однако какие-то големы, по-видимому, все же не разва-

лились, лишь потеряли возможность двигаться. Одного из таких и довелось найти Мастаку.

Целым голем оказался только снаружи. Внутри же царил полный хаос: шестеренки, болты, гайки – все было разбросано по внутренней коробке. Первопричину гибели искусственного человека морлок определил моментально – в подставке отсутствовал кристалл питания. Найти такой довольно проблематично, но на то он и Мастак, чтоб иметь в запасе самые редкие детали!

Старые ржавые шестеренки вставляли на облюбованные места, и сборка доставляла мастеру ни с чем не сравнимое удовольствие. Там немного масла, там подкрутить, тут гайку на место поставить...

Сборка голема закончилась ближе к утру. Уставший, потный от проделанной работы, Мастак с удовольствием взирал на плод своего труда – искусственный работяга сиял, как новенький, отливая в свете люстры всеми цветами радуги.

Морлок невольно залюбовался големом, однако тут же спохватился: с утра должен приехать обоз с товарами, в скопище которых даже такой привереда, как Мастак, сможет отыскать для себя массу полезных вещей.

«Пойду к Тириню, деньжат займу, – подумал морлок, накидывая старый потрепанный плащ. – Скажу, вещицу одну забабахал, как продам – верну. Эх, заживу!» – мечтательно вздохнул морлок, уже ощущая аромат заморского табачка во рту и ласковые руки наложниц на теле. Впрочем, сначала на-

до завершить сборку, но это уже завтра, завтра...

Бросив последний взгляд на стоящего в углу голема, морлок выбежал из дома...

Утро выдалось препоганейшее. Всю ночь лил дождь, и улицы превратились в сплошное болото. Пока водружал сумки на Кержа, сам весь перемазался и стал похож на болотного тролля, принимающего грязевые ванны. Верный Керж жалобно ржал, когда я за уздцы выводил его на улицу и привязывал к ограде.

«Куда тебя несет в такую погоду? – будто спрашивал он. – Я же точно простужусь!»

– Извини, Керж, работа ждать не любит, – я погладил конягу по голове и, сунув ему в рот заготовленную морковку, добавил: – Да и Фетиш тоже...

Керж только презрительно фыркнул: его такие проблемы не волновали.

– Хорошо тебе, дружище, – невесело усмехнулся я. – Служишь только мне, да и то – непосильного от тебя не требуется. А вот скажут твоему хозяину: достань звезду с неба! И придется доставать. А куда деваться? Есть-то хочется! А тут с Лин еще поругался. Вот скажи, Керж: твои кобылы требовали когда-нибудь серенад под окнами и цветы в постель?

Керж снова фыркнул, гордо задрав подбородок.

– Вот видишь – у вас, лошадей, все гораздо проще. А люди – это такие привередливые существа!.. Благодарю Одина

за то, что родился конем, а не человеком! Хотя, что я перед тобой распинаюсь? Ты ведь все равно ничего не понимаешь! Пойду я лучше в дом, будить нашу «спящую красавицу». Да и поесть тоже надо... Ну, ладно, жди меня и не балуй, я скоро!

Конь пристально смотрел мне вслед, видимо, дожидаясь, когда я уйду и можно будет всласть поржать над моими заморочками.

– Вставай, Свэн! – я бесцеремонно стащил со спящего кобольда подранный плед. – Утро уже!

Храбрый муж племени Свинке ров недовольно хрюкнул, почесался и сел. Мутным взглядом обведя комнату, он от души зевнул и проворчал:

– Чего так рано, мастер Гриф?

– Времени у меня нет, – сурово сказал я. – Бабушка и так уже заждалась. Небось, сейчас меня у ворот высматривает!

– Так вы ж говорили, что больна она!

– Ну, больна. И что с того?

– Да так, ничего... – пробормотал кобольд и снова зевнул.

Я пожал плечами и отправился на кухню. Старый хлеб не желал ломаться, но мне отступать было некуда: есть хотелось – аж жуть! В конце концов булке пришлось сдаться, и два большущих ломтя легли в старую, чуть треснутую тарелку. Сверху приземлились два ломтя холодного мяса. Сглотив набежавшую слюну, я впился зубами в бутерброд. Живот громко заурчал, напоминая, что вчера вечером ему, кро-

ме пива, ничего не досталось.

– О! Мясо! – Свинкер издал победный вопль и бросился к тарелке.

– Тише ты... – я едва успел отскочить в сторону. – Пить будешь?

– Угу, – промямлил свинтус с полным ртом. Я вытащил из-за шкафа небольшой кувшин и наполнил две кружки. Свэн разочарованно охнул: он, наверное, ожидал увидеть вино или, на крайний случай, пиво, но никак не обычную воду. Только вот зачем бы меня вчера понесло в таверну, если дома еще кувшинчик был бы полнехонек?

Однако разочарование свина длилось недолго: схватив кружку огромном лапищей, он жадно прильнул к ней губами. Опустошив посуду, степняк поставил ее обратно на стол и, довольно хрюкнув, смачно рыгнул.

– Ну, ты и свинья, – сморщился я.

– Простите, мастер Гриф, – смутился кобольд. – У нас в Степи считается, что отрыжка зависит от еды: если еда вкусная, каждый уважающий себя кобольд должен рыгнуть!

– Оставь эти обычаи при себе и не делай так больше, – наказал я ему. – Если я через каждые четыре часа буду слышать твою отрыжку и бесконечное чавканье, я точно двинусь мозгами! Ты меня понял?

Кобольд кивнул, но чавкать, тем не менее, не перестал. Я смерил его уничижающим взглядом, потом безнадежно вздохнул и вновь принялся за свой бутерброд. Пару минут

спустя трапеза была окончена, и, смахнув с груди крошки, я жестом велел кобольду следовать за собой.

В прихожей нас уже ждали бэги. В одном щедрый хозяин (то есть я) поместил провизию для «дражайшего пятакастого друга», в другом лежали мои собственные пожитки. Проверив, все ли на месте, я закинул бэг за спину (а все-таки легкий – не зря вчера разгружал!) и кивнул кобольду: мол, иди вперед.

Свэна два раза уговаривать не пришлось: толкнув лапой дверь, он, чуть пошатываясь под тяжестью мешка, вышел наружу: земля под ногами степняка мелко вздымалась пылью. Я вышел следом, мысленно умоляя Одина, чтобы соседи не увидели меня с проклятой свиньей, и, вытащив из кармана ключ, запер дверь на три оборота: за целый месяц хибарку на краю Тчара можно разобрать по камушкам, вытащить все изнутри и собрать вновь, еще лучше, чем было. А мне это совершенно ни к чему.

– Вот это, – я похлопал Кержа по крупу, мой конь. Следуй за ним, не отставая ни на шаг.

– Хорошо, – кивнул кобольд. Потом, видимо, прикинув перспективу пешей прогулки до самого Зрега, осторожно спросил:

– А, может, найдется какая-нибудь ма-а-аленькая коняжка?.

– Нет, – безжалостно отрезал я, в душе надеясь, что кобольд передумает и останется в Тчаре, избавив меня тем са-

мым от постоянного нытья, хрюканья и чавканья со всеми прочими отрывками.

Он заколебался. Я уже видел, словно наяву, как степняк в сердцах бросает мешок на землю, кричит «Пропади оно все пропадом!» и уходит... уходит...

Картинка задрожала, стала подпрыгивать, а потом и вовсе разлетелась на сотни сотен осколков: кобольд не швырял бэг на землю, ничего не кричал и уж конечно никуда уходить не собирался. Он просто досадливо хрюкнул:

– Тогда идем так. И пошел.

Я сплюнул коню под копыта и дал пятками по бокам, надеясь, что верный конь сейчас унесет меня к самым воротам, и кобольду придется попотеть, чтобы нагнать нас с Кержем там.

Однако и этого не получилось: конь переступал очень осторожно и медленно, то и дело брезгливо поглядывая себе под ноги – он тоже боялся испачкаться.

Пришлось сделать вид, будто так все и задумывалось, хотя я мысленно пообещал при первой же возможности устроить Кержу хорошую взбучку.

Так мы и шли до самых ворот: я, важно покачиваясь в седле чуть впереди, и кобольд, недовольно бурча чуть сзади.

– Если будем двигаться быстро, – говорил я негромко, – то к ночи прибудем в «Пивную долину». Там заночуем, а дальше посмотрим. Провизии у нас на три дня, так что заправиться тебе только в Зреге придется.

Кобольд быстро кивал, соглашаясь со мной, как с более опытным спутником, и не переставая хлюпал сапогами по размытой дороге.

Я посмотрел на небо: грозовые тучи уже ушли, и не осеннему яркое солнце свободно освещало землю — слава Одину, до «Кружки» не придется добираться вплавь!

Ворота захлопнули прямо у нас перед носом.

— В чем дело? — недовольно бросил я дежурящим У дверей лицейским.

— Грамоту давайте, — лениво отвечивал один из них, от нечего делать пожевывая соломинку.

— Какую еще грамоту? — нахмурился я.

— Новой указ Его Величества, — прикрыв глаза, второй стражник с аппетитом жевал яблоко. Из красного плода осторожно выглядывал жирный червяк, видимо, изучая по-жирателя своего домика. Лицейский на червя никакого внимания не обращал, усиленно продолжая работать челюстями. — Если путник въезжает в город, он должен предъявить грамоту, заверенную печатью мэра из того города, откуда он держит путь. Стражник на секунду запнулся, раздумывая над правильностью всего сказанного, а потом удовлетворенно кивнул: — Да, именно так.

— А если у нас нет грамоты?

— Значит, город вам не покинуть. Если вы, конечно, не научились летать, — брякнул стражник с соломинкой, и оба

лицейских, запорокинув головы, громко загоготали.

Багровые их рожи навели меня на одну очень любопытную мысль, а запашок, исходящий от стражников, окончательно ее подтвердил: оба пьяны, как только вернувшийся с войны ополченец! Значит, можно рассчитывать на небольшую «благосклонность»...

– Может, мы договоримся? – у меня в ладони невероятным образом появились две монеты.

– Нет, мы не можем, – помедлив, покачали головой оба служителя порядка.

– А так? – Количество монет в моей руке возросло вдвое.

– Нет, Гриф. С ними твой номер не пройдет, – хмыкнул кто-то за спиной.

Я обернулся. Несколько мгновений изучал собеседника. Потом развернул коня к вновь прибывшему и натянуто улыбнулся:

– Мэд, дружище! Какая встреча!

Человек в зеленом камзоле с лицейским значком на груди зло ухмыльнулся:

– Не друг я тебе, Гриф. Далеко нет.

Еще бы, подумал я про себя. Кто, кроме меня, мог претендовать на верхнее место в твоём черном списке, списке Мэда Либзгоу, главы тчарского Лицея, подлой крысы, погрязшей во взятках и казнокрадстве? Будто я не знаю, что ты бы с радостью вырвал эти треклятые деньги из моих рук, если бы хоть на время забыл тот позор на свадьбе дочери!

– Та-а-ак, – протянул Мэд, задумчиво почесывая небритый подбородок. – Что тут у нас? Ага! Налицо попытка подкупа стражи ворот! Попался ты, Вертихвост!

Меня передернуло: начальник стражи вспомнил давнюю кличку, прицепившуюся ко мне еще в босоногом детстве за умение выходить из любой, даже, казалось бы, патовой ситуации.

Лет двенадцать назад таких ситуаций хватало, а результат всегда был один: дружки ночуют в Лицее, а с меня как с гуся вода. Правда, когда наутро приятели выходили из тюрьмы, приходилось несладко... Но позже ситуации стали крепчать, набирать вес, и уже через пару лет беспризорники вынуждены были сидеть в Лицее не одну ночь, а гораздо, гораздо больше. Некоторые до сих пор маялись в Крестах, считая деньки до того чудесного момента, когда они смогут намылить мне шею. Хотя мылить особо и не за что: я никогда не выдавал сообщников и решал проблемы с законом только смекалкой и удачей. Но профессиональная зависть...

Да, подумал я про себя, раньше мало кому удавалось меня поймать. Бывало, иногда ловили даже во время выуживания кошельков и обноса особняков, на мошенничестве в наперстках и на шельмовстве в картах, да только доказать ничего не могли – тут бы свое убереечь, не то что награду схватить... Но попасться на подкупе стражи – ситуация действительно из ряда вон выходящая. Причем, будь на месте Мэда обычный лицейский, я легко бы справился – ценою еще

пары монет. Однако Либзгоу уцепился за меня с жадностью голодной собаки, получившей долгожданную кость. Оставалось только играть дурака и потихоньку-полегоньку съезжать с обвинений...

– О чем ты говоришь, Либзгоу? – невинно поинтересовался я, входя в роль.

– Сержант Либзгоу, висельник! – рявкнул лицейский так, что у меня на мгновение заложило уши. – Ты на моих глазах пытался всучить этим честнейшим стражам правопорядка несколько серебряных монет, чтобы они выпустили тебя и вон того кабана из города!

Свэн очень нехорошо засопел, буравя Мэда злобным взглядом. Рука его потянулась к висящему на поясу молоту. Я вовремя шикнул на него, и Свинкер замолк, мрачно косясь в сторону обидчика: боюсь, не останови я его, от лицейского осталась бы только горка тряпья, которого не хватило бы даже на самую худую рубашку.

– Я не предлагал им взятку! – Происходящее неожиданно стало меня развлекать. – Я просто... жонглировал. Ну да, жонглировал! Вот так! – и я продемонстрировал, как ловко умею подбрасывать и ловить блестящие кругляши.

– Кому ты рассказываешь сказки? – победно расхохотался Либзгоу. – Вертихвост предлагал вам взятку? – обратился он к стражникам.

Лицейские быстро переглянулись, и тот, что парой минут ранее давился червивым яблоком, подтвердил:

– Да, милорд. Этот человек, которого вы назвали Вертихвостом, предлагал нам с Пито десять серебряников, чтобы мы только выпустили его из города. Мы с Пито еще засомневались тогда: а не преступник ли он? Я, конечно, сразу об этом догадался, а Пито еще сумлевался. Но когда пришли вы, мы сразу решили, что прав я был! Так ведь, Пито?

Второй стражник согласно закивал:

– Истина, Верон!

– Вот видишь, Вертихвост, – довольно улыбаясь, сказал Либзгоу. – Все улики против тебя.

Я видел. А еще видел, что вокруг уже собралась порядочная толпа зевак, и можно выкладывать последний козырь на стол.

– Не совсем, сержант Либзгоу, – я небрежно кивнул в сторону доблестных стражей ворот. – Я с полной уверенностью утверждаю, что эти двое в стельку пьяны, и потому их показания недействительны!

Толпа удивленно загомонила. Еще бы: никому не известный заморыш явно бандитской наружности обвиняет стражу ворот в распитии пива на посту! Это ж событие похлеще, чем коровий мор на юге!

Либзгоу грозно посмотрел на лицейских, украдкой показал одному из них кулак. Верон и Пито как по команде поежились: если их нетрезвость станет достоянием общественности, десятию сутками ареста и лишением месячной зарплаты дело не кончится – запросто могут полететь головы...

– Как же ты это определил, Вертихвост? – либо лицейский все понял и решил играть до конца, ожидая моего промаха, либо он все еще не слишком верил моим словам.

– Очень просто, – я стал лихорадочно думать, как доказать сказанное. Ведь, кроме опытного взгляда, я ничего не мог предъявить.

Что ж, пропадать – так с музыкой, подумалось мне. Не поворачивая головы, я как бы невзначай бросил:

– Кувшины спрячь, Пито.

– Я ж их уже спрятал! – машинально бросил Стражник и тут же прикусил язык, поняв, что проговорился.

В толпе раздались восторженный визг какого-то особо рьяного противника властей: не каждый день удастся поучаствовать в «сажании лицейских в лужу».

Мэд окинул зевак недобрым взглядом и зло скрипнул зубами: уговорить беснующихся горожан представлялось задачей невыполнимой, а выглядеть дураком не хотелось жутко. Поэтому из сложившейся ситуации следовало выбирать-ся как можно быстрее, при этом постаравшись не потерять лица...

– Куда спрятал? – прорычал Либзгоу, впившись взглядом в остолебеневшего Пито. Начальник Лицея лихорадочно моргал правым глазом, пытаясь подать своим подопечным знак: мол, соворите чего-нибудь, никто не узнает! Но то ли подопечные попались слишком тупые, то ли моргал он не шибко рьяно, а Пито указал в сторону сторожки:

– Вот там два кувшина, в одном еще на пару кружек осталось. Третий разбили, но вам, думаю, двух кружек хватит за глаза. Вино такое... – стражник мечтательно закатил глаза и облизал пересохшие губы.

– Идиот! – взревел красный от злости Либзгоу. – Я тебе покажу – «вино»! Сгною!!! – И Мэд, под ликующие крики толпы, бросился на бестолкового подчиненного.

– Смываемся, – шепнул кобольду Гриф. Встретимся в порту.

Свэн кивнул И растворился в толпе. Точнее, толпа растворилась в нем – так ловко кобольд орудовал локтями.

Я выждал несколько секунд и наддал жару.

Керж рванул с места, словно гoblin, обожравшийся горчицы, а мне оставалось только представлять, как спустя пять минут Мэд Либзгоу будет досадливо плевать: «проклятый Вертихвост» опять умудрился удрать.

– Что-то вы долго, мастер Гриф! – Свэн с беззаботным видом наблюдал за матросами, перетаскивающими груз на корабль.

– Скорее ты слишком быстро, – хмыкнул я, останавливая коня и спрыгивая на землю. – Керж, бедолага, уже задыхается, а ты свежий, как ветер на море!

– Мы, степняки, вообще отличные бегуны, Свинкер довольно хрюкнул. – В Степи не так много дичи, чтобы упускать ее.

– Волка ноги кормят, – махнул рукой я. Правда, на одних

ногах особо не проживешь, потому и появляются такие привязанности, как дом, конь... девушки... Впрочем, без последних двух составляющих можно обойтись... То есть, без последней! – поспешно поправился я, услышав злобное сопение сзади. – Куда ж я без тебя!.. – Конь ткнулся мордой в мое плечо.

Вот именно – куда? Ворота для меня закрыты, а летать я действительно пока не научился. Может быть, самое время?.

– Эй, Гриф! – раздалось сзади чье-то громоподобное рычание. – Не хочешь поздороваться со старым другом?

Я, все еще не веря ушам, повернулся. Несколько мгновений мы изучали друг друга, а после бросились навстречу и обнялись.

– Пиф! – радостно орал я. – Неужто ЭТО ты?

– Ну, конечно, дружище, – хохотнул одноглазый тролль. Со времени нашей последней встречи он нисколько не изменился: все такой же здоровенный, коренастый и улыбчивый. – Все так же, ловкачишь?

Я чуть поморщился: излюбленная шутка Пифа, им же самым и придуманная, меня всегда раздражала. Впрочем, даже она не могла испортить радостный момент встречи старых друзей.

– Старина Пиф! – я сиял, словно солнце в погожий день. – Сколько же я тебя не видел. после того, как твоя «Шмальорка» отчалила от этого берега два года назад, я, честно говоря, засомневался, что увижу тебя вновь!

– Ну тебя! – хмыкнул старый моряк. – Капитан Пиф может оказаться по уши в дерьме, но всегда найдет способ из него выплыть! Я сейчас, кстати, в Мусалим собрался. Хочешь, поплыли с нами, развеешься!

– Нет, Пиф, не могу. Сам знаешь – работа. Не выполнил в срок – поминай как звали. Вот если б ты нас до Зрега подбросил...

– Да без проблем, – пожал плечами Пиф. Если грамота есть, хоть в Баронскую Общину!

Я чуть виновато улыбнулся:

– Была б она у нас, Пиф, мы бы и через главные ворота отправились! Может, так как-нибудь, без нее?

– Ты мне, конечно, друг, – тролль утер нос рукавом, – но моей голове с плеч лететь, если узнают. А узнают точно, потому как у Лицея уши везде.

– Понятно, старик, – я нехорошо сощурился. – Только вот, скажи-ка мне такую штуку: чья голова летела бы с плеч, если бы кто-то поймал меня в логове Черного Джига, когда я доставал твой дражайший колпас?

– Компас. – Помрачнел, тролль проклятый! Правда глаза режет?

– Хорошо, пусть будет компас. Но суть от этого не меняется. Если бы головорезы Джига выловили меня тогда, я бы лежал сейчас в их подземельях с пробитым черепом, а ты... Согласись, что потеря этой штуки для тебя не стала бы смертельной?

– Гриф, это совсем другое дело... – А глазки то вниз спрыгал..

– Почему? Разве гореть на костре намного безобидней, чем положить голову под топор палача? Впрочем, какой мне прок тебе доказывать, если ты уперся ослом? Мне нужно ехать!

Сказав все, что хотелось сказать в ту минуту, я развернулся и быстро зашагал к Свэну, держащему Кержа за уздцы.

– Постой, Гриф, – окликнул меня Пиф.

– Что еще? – бросил я, не оборачиваясь.

– Найди Землероя. Он... знает, как выбраться из Тчара... без... грамоты.

– Где я его сейчас искать буду? – Главное было в то мгновение не подать виду, что последняя фраза Пифа для меня не значила ровным счетом ничего, что мне вообще наплевать, выйду я из города сегодня или не выйду совсем.

– Ну, что ты, как маленький! – покачал головой тролль. – Неужто не знаешь, что «Псина» для нашего общего знакомого – второй дом?

– Ты уверен, что он в одиннадцать уже там?

– Нет. Но что тебе стоит проверить – таверна вона, из-за домов выглядывает! Минут пять шагом!

– Что ж... Спасибо и на этом! – Я поднял сжатый кулак. – Удачи тебе, Пиф. Пусть ветер надувает твои паруса.

– Пусть тебе повезет, – помедлив, крикнул мне тролль и прижал кулак к сердцу.

Я тихо хмыкнул и, запрыгнув на спину коню, дал ему шпоры. Керж раздраженно заржал, однако пошел таки вперед. Следом, то и дело оглядываясь на Пифа, топал погруженный в думы степной гигант мысли, Свин... точнее, Свэн.

– Знакомое место, не правда ли? – я дернул на себя дверь таверны. – Пошли, чего стал?

– Знаете, мастер Гриф... – кобольд как-то разом стушевался и, похоже, даже стал меньше ростом, – я вас тут подожду. За конем посмотрю, опять же!

– Как хочешь, – пожал плечами я. – Можешь особо с ним не усердствовать: он крепко привязан. Просто проследи, чтобы служка не начал его мыть, а то ведь заляпает больше!

– Да, мастер, я все... – залебезил Свэн, но я закрыл дверь и не услышал окончания фразы.

В «Псине» как всегда собрались отборные «сливки» общества: светловолосая шлюшка в короткой зеленой юбке, тройка гремлинов в рясах до пят (наверняка паломники Семи Обителей) да пара матросов, решивших перед дальним плаванием смочить глотки пивом.

Я не сразу заметил еще одного посетителя таверны, сидящего за столиком в дальнем углу. Свет от большой люстры позволял разглядеть его пальцы: короткие, с наспех «обрубленными» ногтями – такие могут быть только у гнома. А я знал всего лишь одного представителя Подгорного племени, который любил, придя в «Псину», сесть в самый темный

угол, осушить кружечку-другую пивка, при этом не забывая исподлобья разглядывать ни о чем не подозревающих посетителей и бурчать под нос разные проклятья типа «понаприплывали тут». Звали этого любителя хмельного пойла Землерой. Его-то мне и советовал найти Пиф.

– Привет, дружище, – я присел на стул против карлика.

– Гриф? – удивленно вскинул брови гном. Какими судьбами?

– Пришел узнать, зачем всем рассказываешь, где я живу! – начать нужно было издалека, что бы не сильно привлекать внимание других посетителей.

– А-а-а! – Землерой криво усмехнулся: видимо, стоящая перед ним кружка была не первой за день. – Я думал, ты насчет камня, который я тебе в окно закинул!

– Так это ты, зараза, меня чуть не пришиб?! справедливо возмутился я.

– Да ладно тебе, – отмахнулся гном. – Мне Фетиш за это монетку дал. Золотую. Да и подобное хулиганство – весьма полезное для здоровья занятие.

– Ладно, замаяли, – махнул рукой я. – Не за тем я пришел, на самом-то деле.

– А зачем же? – любопытствовал гном.

В глазах его на мгновение вспыхнул огонек интереса, правда, тут же погас.

– Есть одно дело. Не слишком простое, но хорошая плата.

– Говори давай, – равнодушно бросил Землерой. – Опять

кому-то что-то продать?

– Нет. Все намного сложнее. – Похоже, на сей раз гном попался на крючок: огонек интереса вспыхнул вновь и уже не потухал.

– Да? – ухмыльнулся карлик. – Пожалуй, ты меня заинтриговал. Что нужно?

Опасливо посмотрев по сторонам, я наклонился к уху гнома и зашептал:

– Надо покинуть город до наступления ночи. Пифф сказал, что ты поможешь.

– Подожди-ка, подожди-ка! Неужто ты хочешь, чтобы я повел вас Зрегским тоннелем? – догадался гном.

Я быстро кивнул.

Землерой задумчиво почесал подбородок:

– Ты ведь понимаешь, что дело это опасное, требующее больших затрат...

– Короче, – оборвал его я: слушать длиннющую тираду гнома мне было не интересно.

– Двадцать пять серебром.

– Чего?! – я с трудом подавил резкое желание изорвать бороду обнаглевшего коротышки в клочья на радость пирующим рядом гремлинам. – Да за такие деньги я себе крышу отремонтирую так, что все местные подохнут от зависти!

– Что ж, ремонтируй, – не стал спорить гном. – А без грамоты мэра у тебя все одно шансов убраться отсюда не больше, чем у тех заморышей стать мастерами двуручного ме-

ча! – Землерой повел рукой в сторону гремлинов.

«Мастера двуручных мечей» ядовито ощерились, с ненавистью глядя на обидчика. Один из них тут же выдал:

– А ты под ноги чаще смотри, мешок с навозом, а то об бороду споткнешься!

Последние слова гремлина потонули в дружном хохоте его приятелей. Естественно, сам шутник гоготал громче всех, за что и схлопотал пивной кружкой промеж глаз. Снаряд, пущенный никем иным, как гномом, заставил паломника замолчать по крайней мере на полчаса.

Гогот мигом стих. Переглянувшись, гремлины бросились на коротышку с явным намерением порвать его на сувениры. Однако у меня не было времени ждать окончания драки. Поэтому я и решил задушить ее еще в зародыше...

Метательный нож, оцарапав предплечье наиболее ретиво и твари, зловеще расчертил воздух и воткнулся в дверную притолоку.

Гремлины замерли на месте, размышляя, стоит ли лезть в драку или лучше свалить, пока мы с бородатым не надавали им хороших подзатыльников? К тому времени, когда ушастые все же решили драться, Землерой и я уже были на ногах, так что гремлинам пришлось, скрепя сердце, перейти ко второму плану действий, а именно бегству. Подхватив раненого товарища под локотки, паломники спешно ретировались из таверны под смачные ругательства гнома и мой победный свист. Даже Стопол, наблюдавший за «полем брани»

из-за стойки, улыбнулся уголками рта.

Ожидание затягивалось.

Свэн мелко дрожал. Пронизывающий осенний ветер пел одному ему ведомую песню, вовлекая в свой бесшабашный хоровод угрюмого степняка. В невероятной пляске уже кружилась высохшая трава, принесенная октябрьским озорником с огородов.

А кобольд все ждал. Кутался в походный плащ, который помнил Степь, помнил росу на травинках, помнил дом – и ждал.

– Вон то не ваша кобыла у ограды привязана? – К Свинкеру подошел прыщавый мальчишка в грязном заляпанном фартуке. – Может накормить ее, а?

– Нет, не стоит, – покачал головой Свэн. – Мы уже уходим.

– Ну, так дело не пойдет!.. – мальчишка обиженно засопел. – Если вы просто так пришли посмотреть на нашу замечательную таверну, тогда за погляд платите. Ежели не захочете, я позову Дерви и Плени: они-то вам все объяснят на пальцах. Или кулаках.

– Да заплачу я, заплачу, – поспешно выпалил кобольд. – Счас, хозяин выйдет – сразу и заплатим.

– Ну, смотри у меня, – мальчуган погрозил свинтусу кулаком. – Обманешь – Дерви и Плени тебя до самой твоей Степи гнать будут. Они сильные! Сильнее тебя!

Кобольд молчал.

Мальчишка, довольный собой, вразвалочку поплыл к конюшне. Он уже чувствовал запах скорой прибыли и даже знал, что купит на вырученные деньги. Разумеется, вышибал мастера Стопола он звать не собирался, однако решил припугнуть стоящего у «Псины» тюфяка, от которого за десять метров разило простотой и доверчивостью.

Свэн проводил его не самым благожелательным взглядом, искренне желая малолетнему спекулянту поскорее сломать шею.

Керж разочарованно заржал. Свинкер погладил его по холке:

– Чего такое?

«Жрать хочу, вот чего!» – хотел было ответить конь, но тут же с сожалением вспомнил: разговаривать-то он так и не научился! А потому оставалось думать...

«Единственно хорошо, – тут же мелькнуло у Крежа в голове, – что могу про этого свинтуса мысленно говорить все, что душе угодно – все одно не узнает. Зато если он вдруг вздумает сказать что-то плохое про меня...» – Конь с любовью оглядел передние копыта.

– Может, ты есть хочешь? – внезапно догадался кобольд.

«Ого! – удивился конь. – А он, похоже, умнеет на глазах!»

– Хотя нет, вряд ли. – Кобольд разочарованно махнул рукой, отменяя «неудачную» догадку. – Наверное, просто поржать захотелось.

«Да нет. Все как и прежде...»

Стоило мне только появиться на крыльце, как две пары глаз с ожиданием уставились на меня.

Точнее, на кошелек, который болтался на поясе. В нем осталось всего три серебряных монеты! Хорошо, что в запасе еще больше ста...

И кобольд об этом не знает...

– А... где? – только и смог вымолвить свинтус.

– Что – «где»? – буркнул я. – Думал, нас так запросто из города выведут? Я и сам уж не рад! Если б не за... то есть любимая бабушка, я бы ни за что не согласился на подобную сделку. И так пришлось распрощаться с кучей монет!

– Сколько же вы заплатили, мастер? – ахнул Свэн.

– Два десятка полновесных сребреников.

Свинкер хотел задать новый вопрос, но его маленький мозг сработал неожиданно быстро, и кобольд так и замер, с раскрытым ртом, удивленно вылупившись на меня.

– Два... десятка?.. – наконец выдохнул он.

– Ой, да тебе-то что? Пошли лучше на рынок. Надо... – Я с грустью посмотрел на верного коня и вздохнул, переводя взгляд на Свэна:

– В общем, ты понял?

Свин ни черта не понял, но тут же напустил на себя умный вид и важно кивнул.

– Чего стал? Пошли, говорю.

Я кое-как забрался в седло и направил коня вперед.

– Э-э-э.. Мастер Гриф, у нас небольшие проблемы, – помедлив, сказал кобольд. Его свинячьи глазки, полнясь надеждой, молили меня выслушать.

– Что?! Куда ты опять вляпался?!

– Мне сказали, что, если я не заплачу за погляд таверны, Дерви и Плени снимут с меня шкуру, – осторожно сообщил Свинкер.

– Кто сказал?

– Мальчуган тут ходил один. В фартуке. Я ему сказал, что вы заплатите.

Во дела: на полчаса нельзя оставить! Тупая свинота! Благо, что мальчугана этого знаю, а то пришлось бы Свэна в рабство продавать: не отдавать же деньги?..

– Ну, конечно, если я заплатил за тебя раз, почему бы не воспользоваться этим снова?

– Так вы заплатите, мастер?

Я горестно вздохнул: легче свинью отучить от кобольдства, чем кобольда – от свинства.

– Нет! Зачем? Поработаешь тут пару лет посудомойкой, авось ума наберешься! – хмыкнул я. Ситуация по-настоящему меня забавляла.

Кобольд еще сильнее скуксился. Взгляд его в тот момент своей жалобностью мог поспорить с любой дворнягой.

Наконец, поиздевавшись вдоволь, я крикнул:

– Эй, Лукки! Дуй сюда!

– Что такое? – Малец вынырнул из конюшни с провор-

ностью мышцы И застыл, вопросительно глядя на меня. Он усиленно делал вид, что ничего не случилось, однако получалось у него это слишком уж плохо. – О, мастер Гриф, да никак вы к нам пожаловали?

– Никак я. Ты чего это придумал? С кого деньги требуешь?

– Да я... А че он? – затараторил Лукки.

– Короче, слушай сюда. – Я бросил мальчугану завалявшуюся в кармане медную монетку. Вот тебе за хорошо сработанную роль, купи себе чего-нибудь вкусного. Но впредь запомни: еще раз такая выходка со мной или с моим... э-э-э... слугой– и будешь висеть верх тормашками на ближайшем деревце! А теперь катись отсюда, пока я тебя ремнем не высек! Куда отец смотрит?

Когда я закончил говорить, Лукки уже и след простыл. Естественно, ни перед кем извиняться служка не собирался. Ну, да это и не столь важно. Главное, чтобы на будущее уяснил для себя, с кого можно поиметь золотишка, а кого лучше обходить стороной.

– А ты, – я повернулся к кобольду, – в следующий раз постарайся быть по... мужественней, что ли, а? А то ты весь сгорбился, сжался... Свободней будь, раскованней!

Степняк растерянно кивнул, стеклянными глазами глядя на меня.

– В чем дело, Свэн? – спросил я, недоумевая. – Что на сей раз?

– Я... – замялся было Свинкер, но, собрав всю свою волю в кулак, ответил: – Я не слуга.

– Да? – деланно удивился я. – А кто же ты?

– Я – свободный кобольд из Великой Степи из великого рода Свинкеров. Отец мой, Козодун Свинкер, – глава рода, а мать, Матикана, – самая красивая женщина племени.

– И ты хотел, чтобы я все это рассказывал сопляку. Про всю твою родню? – презрительно фыркнул я. – Не майся дурью, пошли скорее: до вечера не так уж много времени, а мне еще Кержа надо пристроить!

Дальнейший путь мы преодолели молча. Каждый думал о своем: кобольд – о моей несправедливости, я – о тупости кобольда, а Керж мрачно представлял, как мясник отправит его в лошадиный рай с помощью огромного разделочного топора. Он словно вживую видел могучий замах и...

Впрочем, на деле все оказалось не так худо: новый хозяин, добродушный старикан с длинными седыми волосами до плеч, показался Кержу вполне дружелюбным. Правда, от дедули за несколько футов разило гнилой рыбой и луком, но мерин справедливо решил, что такой вариант все же гораздо лучше, чем встреча с мясником, и молча смирился.

– Вы с ним поаккуратней. Он мерин с характером! – предупредил я старика. – А ты, – я прислонился головой к горячему лбу коня, – береги себя. Постараюсь тебя найти!

Керж презрительно фыркнул: мол, знаю я твои обещания! Бросишь – и забудешь!

– Ну все, дружище, нам пора! – я похлопал мерина по крупу и, подмигнув напоследок деду, смешался с базарной толпой.

– Все, Керж, твой хозяин ушел, – старик потянул коня за уздечку. – Нам тоже пора.

Керж секунду задержался, пытаясь разглядеть в толпе меня, не найдя, тяжело вздохнул и позволил дедуле протащить себя пару дюймов, после чего нехотя потрусил следом...

Глава 2. Дроу, или Гостеприимство огнеглотского замка

Снова дождь.

Где-то вдалеке играл мальчишка-гром: Тор явно был чем-то недоволен, и его молот так и летал по небу, гоняя бедолагу по иссиня-черным тучам. Несладко богам...

Впрочем, не сказал бы, что жителям Тчара намного слаще: на улицах, кроме меня и кобольда, не видно ни души. Горожане попрятались по домам, стремясь укрыть за камнем свои страхи.

Гроза – это погода Ловкачей. Стена ливня укрывает нас от глаз обычных людей гораздо лучше, чем настоящие стены закрывают их от нас.

Однако на сей раз наша миссия была не в том, чтобы, прячась под дождем, надеяться поймать с неосторожных прохожих пару монет.

Мы просто ждали. ас было трудно разглядеть: оба в черных дождевых плащах с капюшонами, с серыми бэгами за плечами, почти не двигаемся. Издалека можно даже принять за пару столбиков, аккуратно вбитых в землю возле крыльца.

Но стоило только двери открыться, и мы пришли в движение, скользнули к застывшему на пороге третьему «собрату». Этот был чуть пониже, зато толще раза в два. Короче, высокий такой пенек...

– За мной, – «пенек» жестом велел следовать за ним и бросился, чавкая ботинками по грязи, в сторону Главной площади.

Кобольд и я, не задавая лишних вопросов, по спешили следом.

По счастью, стража предпочла уют теплых барачных патулированию размытой площади, и Землерой, нисколько не таясь, прошел к угловому с Горшочной дому и отворил дверь.

Естественно, никаких факелов и, тем более, свечей в доме не было. Да и не дом это был, а обычный огромный сарай, в котором из мебели только стол да пара стульев.

Зато в полу имелся люк, который и являлся входом в Зрегский тоннель.

– Видите? – в руке гнома появился небольшой фонарь: видимо, все это время гном нес его за пазухой и зажег только сейчас. – Ну-ка, пяточок, отвори мне эту «дверку»! – гном протянул степняку ключ с резной бородкой.

Кобольд хотел было обидеться на «пяточка», но я ткнул его локтем в бок: мол, не время сейчас дуться, дело делать надо!

– Подумай о моей бедной бабке, – тихо шепнул я, и Свэн, вздохнув, принял ключ.

Сначала в сторону отошел первый засов. Потом второй. Щелкнул третий, и кобольд, схватившись за массивную ручку, потянул крышку люка на себя. Петли громко скрипнули, и тоннель раскрыл нам свой жутко смердящий зев. Я неволь-

но сморщился и зажал рукой нос: из тоннеля несло тухлыми яйцами и мочой.

– А там везде так пахнет? – прогундосил я.

– Да нет, не везде, – хмыкнул гном – Только лишь пару сотен шагов.

Я тихо выругался: идея с тоннелем нравилась мне все меньше и меньше.

– Чувствуешь, как воняет? – обратился я к кобольду.

Свинтус неопределенно пожал плечами.

– Не-а. У меня насморк.

Вот свинья! Как рыгать и хрюкать всю дорогу так готов, а как тоннель нюхать – так насморк!

– Ну, что, полезли? – подмигнул нам гном.

– А что еще делать? – вздохнул я и первым ступил на лестницу, ведущую вниз.

Следом за мной полез гном, а последним спускался кобольд.

Оказавшись на земле, я с любопытством огляделся по сторонам: темно, как в... в общем, очень темно!

– Вот он, Зрегский тоннель! – торжественно объявил провозжатый. Я невольно фыркнул: Землерой лучился гордостью, будто все эти подземелья под Тчаром – дело только его рук, и гномы прошлого не имеют к их созданию ну совершенно никакого отношения! – Гордость Каменного Трона!

– Да уж, подгорный народец расстарался, кивнул кобольд.

Я только присвистнул, оглядев стены тоннеля при свете

факелов.

Различные письма, на гномьем, эльфийском и даже человеческом. Приглядевшись, мне удалось разобрать «Король ду...». Что король «ду», я, правда, так и не понял, потому что именно в этот момент гном с фонарем отошел к противоположной стене, демонстрируя Свэну рисунки древности.

– А вот это одна из моих любимых сценок, с упоением рассказывал бородач, – «Разгром заморышей под Ломпакой»! Ух, и дали мы им тогда прикурить!..

– А что за Лопатка? – поинтересовался степняк.

– Ломпака, невежа! – Гном аж пятнами пошел от злости. – Зала эта, одна из самых больших в Андерволе! Эх, не издай король указ о равноправии... – Землерой зловеще усмехнулся, мысленно представляя, чтобы было, если.

– Чего в этом законе плохого? – не согласился кобольд. – Правильно все!

– Это на бумаге оно правильно, – покачал головой гном и, рассуждая, пошел вперед, приглашая приятелей идти следом. – А на деле? Может, междоусобиц пока и нет, но надолго ли? Человек обучен ненавидеть любого, кто на него не похож. Свой-то пусть И то хуже, но те хоть похожи, а нелюди? Нужны людям твое рыло или борода моя? Вот и я о том же.

– Чего это тебя на философию пробило, гноме? – насмешливо заметил я.

– А че бы не пробило? – хмыкнул Землерой. Я ж тебе

не обычный гном, а потомок самого Копателя – основателя Андервола и его первого короля. Да и в Академию, в Суфус, не семечки лузгать ездил! Да я...

– Послушай, гноме, – остановил его я, боясь услышать продолжение тирады, – мне, откровенно говоря, плевать на то, где ты там чему учился. Обещал вывести из города – так выводи! А глупости твои мы и после слушаем.

Землерой бросил на меня гневный взгляд, но я уже «увлеченно» рассматривал соседнюю стену с плетением эльфийских рун. Решив про себя, что обязательно отомстит мне позже, гном зашагал дальше по коридору.

Мы не успели пройти и сотни ярдов, когда впереди замаячил небольшой огонек. Чуть позже вынырнул еще один, еще... Странно было наблюдать их здесь, среди древности и тьмы.

– Что это, Землерой? – обратился к карлику я.

– Факелы. – Казалось, появление света в тоннеле не вызвало у гнома никакого беспокойства.

– Кто же их зажег?

– Дроу, конечно.

– Дроу?

– Ну, темные эльфы, если тебя так больше нравится, – не стал спорить гном.

– Нет, я понял. Но почему ты ничего о них не сказал?

– А зачем? Мы спокойно проскочим их поселок – нам в соседнее ответвление. – Гном указал пальцем вперед и чуть

влево.

– Может быть, быстрее пойдем? – предложил кобольд, опасливо озираясь по сторонам: даже в Степи каждый поросянок знал о жестокости, с которой дроу относились к чужакам. Да и в темноте серокожих эльфов не очень-то просто найти. Так что страхи кобольда вполне объяснимы.

Дроу... я знал о них лишь из легенд.

...Когда-то в мире жили светлые эльфы. Кожа их была оливковой, а уши остры, как и любимые сабли. Они считались Первой расой, появившейся в Христоме и пользовались уважением среди других обитателей мира. Разве что дремофоры, которые тогда делили с остроухими Вербронский лес, недолюбливали эльфов и вечно стремились им насолить. Тучи сгущались, и в один прекрасный день в Лесу впервые пролилась эльфийская кровь. А потом были два года великой войны, и остроухие эту войну проиграли. Дремофоры нанесли им сокрушительное поражение под Великим Вязом, и оставшимся в живых эльфам только чудом (имя которому Гномья Рать, грудью вставшая на защиту союзников) удалось бежать в подземелья. Больше о светлых не слышал никто.

Все в мире со временем меняется. Орки после Войны Топора перешли к оседлому образу жизни, стали промышлять земледелием и скотоводством, дремофоры вышли из Альянса, гномы сблизилась с людьми... И эльфы тоже переменились. Годы в подземельях не прошли для Первых даром: толщи земли давили сверху, света вечно не хватало, и кожа

остроухих приобрел а грязный, серый оттенок. Эльфы, наученные прошлым опытом, стали подлыми и расчетливыми. Только гордости в них не убавилось ни на грош: пусть их и загнали под землю, все равно они оставались Первыми!

Теперь остроухие называли себя д'роу (от эльфийского «д'ро» – «темный»). Люди, от рождения не преуспевающие в эльфийском диалекте, огрубели эльфийское слово до неузнаваемости: теперь темных именовали гортанным «дроу». Так и пошло по всему Орагару; даже гномы, дальние родственники Первых, обзывали бывших союзников так же. Эльфы морщились, но с холодной презрительностью молчали, уверенные, что их время еще придет...

– Давай сворачивай! – велел гном важно: в подземельях он чувствовал себя если не богом, то уж точно Самым Главным Командиром Самого Главного Отряда, поэтому и позволял себе командовать приятелями.

Однако свернуть мы не успели. Арбалетный болт, вынырнувший из темноты тоннеля, оцарапал Свэну плечо и упал, с лязгом ударившись об пол.

Пусть тот, кто считает, что в дроу еще осталась хоть капля совести, кинет в меня камень: арбалеты – самое презируемое оружие эльфов!

– Фенрир! – выругался кобольд сквозь зубы и, согнувшись, зажал рану рукой. Мы с гномом замерли, понимая, что любое движение может означать мгновенную смерть.

– Заткнись, хвал'ер! – Из темноты вынырнул невысокий

дроу со взведенным арбалетом в руках. – Второй болт уже в гнезде!

– Да пошел ты! – Свэн потянулся за висящим на поясе молотом.

Стрела просвистела в волоске от его уха. Степняк замер, боясь шевельнуться.

– Так и стой, – насмешливо бросил эльф. И вы стойте. Иначе кого-то недосчитаетесь! Вновь заряженный арбалет смотрел мне прямо в грудь. Оставалось только подивиться чудесному свойству «темного» арбалета все время оставаться заряженным.

– Руки поднял! – рывкну л дроу.

Я послушно исполнил приказ, демонстрируя, что не пытаюсь даже дотянуться до висящих на поясе ножей. Хотя соблазн и был...

– Идите впереди, – велел эльф. – Руки на виду. И без глупостей!

Мы послушно тронулись. Дроу шел следом, не спуская с нас пристального взгляда.

– Проклятые маркийцы, – проворчал возглавляющий шествие Землерой.

– Кто? – Я шел чуть позади и слова гнома расслышал.

– Маркийцы. Именно они, сожри их Фенрир! Землерой явно недолюбливал темных. Впрочем, их мало кто любил. Возможно, поэтому они такие злые? – Остроухий небось думает, что нас дворфы послали.

– Дворфы – это тоже темные? – сразу догадался я.

– Угу. Война у них, между кланами. Хорошо, хоть гремлинов тут нет, – глаза гнома блеснули ненавистью: бородач готов был класть ушастых тварей пачками. – Те бы сначала пришибли, а после вопросы задавали!

– Да лучше уж сразу! – Я был наслышан о излюбленном развлечении палачей темных «Багровый крест», и потому не горел желанием испытать его на себе. – Вряд ли эти пожалеют «дворфских шавок»!

Гном не ответил, мрачно пялясь себе под ноги.

Тем временем тоннель стал расширяться. Теперь до потолка не дотянулся бы и голиаф, вооруженный любимой секирой. Я с облегчением расправил плечи: странное чувство свободы овладело мной и не желало отпускать. Идти в большом тоннеле все же намного приятней, чем в узкой кишке.

– Вот и Марка, – подал голос гном. – Это их город, их крепость, их военный лагерь. Здесь даже дети, пыхтя, таскают на плечах кольчуги, а женщины и старики вовсе спят в пластинчатых доспехах: Дворфа может атаковать в любой момент, и предводители маркийцев не хотят терять воинов.

– Но почему они убивают друг друга?

– Их гордыня сильнее кровных уз. К тому же в подземельях не так много съестного, и эльфы грызутся, как запертые в пустом амбаре крысы: каждый отвоеванный клочок земли – это еще сотня-другая сытых дроу.

– Но почему бы не работать сообща?

– Чем меньше эльфов, тем меньше еды требуется. Эльфы гордые, да и терять им нечего. Почти как люди!

Мне хватило ума промолчать, хотя на языке вертелась колкость в адрес не в меру «благодетельных» гномов.

Ставку Марки назвать городом мог лишь тролль, пару дней назад выбравшийся из горячо обожаемого болота: скорее, это была большая деревня. Две смотровые башни у входа в селенье да Миниатюрный декоративный замок посреди столь же приземистых домиков – вот и вся атрибутика города.

На первый взгляд в деревеньке не было ничего особенного: народ на рынке без остановки гудел, на улицах играли детишки, старики, собравшись на лавочках, повествовали о давно минувших временах... Но стоило приглядеться, и все эти «обыденные» дела приобретали зловещий оттенок: люди на базаре покупали не рыбу и мясо, а мечи и булавы; детишки играли в «ножички» и «воину», хотя настоящие сражения ждали их буквально в двух милях; седобородые эльфы точили сабли, хвастая друг другу, как этими самыми клинками они приходовали забытых Одином дворфов еще в далекой юности. Я не поверил глазам, когда увидел, как один малыш отрубил другому руку просто за то, что тот забрал у него глиняную свистульку. Пожалуй, пребыванье под землей не пошло дроу на пользу. Хотя на все воля Одина: если он решил наказать эльфов, значит, так тому и быть.

В Марке не было ни королей, ни царей, ни даже самых за-

худалых баронов. А зачем? Начнешь выяснять, чей род древнее – дворфы не упустят возможности насолить: когда все же найдется самый достойный, править будет просто некем.

Да и сами маркийцы не забивали себе голову ерундой вроде дворянских манер, званных балов и прочей бесполезной ерунды. Вместо того, чтобы учиться изысканно посылать надоевших субъектов к Фенриру в пасть, эльфы предпочитали часик-другой поупражняться с саблями. В Марке не было лишнего времени; никто тут не ждал благородного принца, способного спасти все и вся и вновь вернуть эльфам лес. Каждый из дроу ценил саму возможность жить и ради этого до седьмого пота упражнялся в воинском искусстве. Даже маленькие дети здесь умели обращаться с клинками – я, к величайшему сожалению, как раз стал свидетелем одной из демонстрации.

Нас не оставили без внимания: не каждый день Марку посещала такая разношерстная компания. Из домов выбегал стар и млад – поглазеть, кого ж изловили? Кто-то плевался в нашу сторону, кто-то проклинал, кто-то разочарованно вздыхал, мол, опять пешек заарканили, когда ж главного дворфа поймают?

Отличившийся дроу, гордо задрав подбородок, на все вопросы небрежно бросал: «Фе! Что там тех крыс! Я их... одной левой».

Я лишь тихо фыркнул, представляя, что бы сейчас говорил эльф – и говорил бы вообще, – не окажись у него при

встрече с нами треклятого арбалета.

Впрочем, думать можно все, что угодно: эльфа от этого – ни холодно, ни жарко. Он все так же продолжит улыбаться восторженным зевакам и повторять, словно попугай, придуманную по дороге фразу.

Наконец толпа стала редеть, а потом и вовсе сошла на нет. Эльф вывел нас на главную площадь Марки, к небольшому замку, который оказался местной тюрьмой – этакий Бастион Муки, как в Крестах, только в урезанном варианте. Скучающий у входа страж, едва завидев арбалетчика, вытянулся в струну.

– Вольно! – бросил эльф небрежно. – Эбрано!

– Да, мак Ибалье? – страж вопросительно посмотрел на арбалетчика.

– Отведи эту троицу в дальние камеры. Посади в угловую, она освободилась недавно. Да пожрать дай, чтоб не сдохли раньше времени. Все понял?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.